

Отечественная война 1812 года

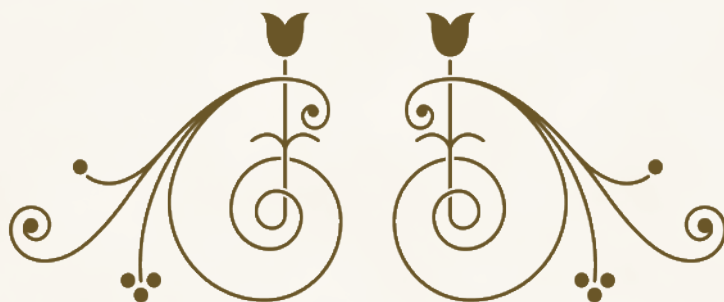

Москва
2015

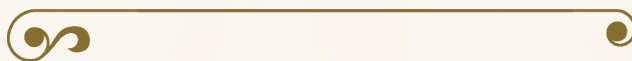

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 года

1915—2015

Брошюра составлена по материалам книги Клавдии Лукашевич «Школьный праздник в память славных подвигов родных героев 1812 года» (Издание Товарищества И. Д. Сытина 1915 года).

Тираж 1000 экз.

Брошюра издана в качестве дополнительного раздаточного материала в рамках проекта «Проотечество».

Распространяется бесплатно.

«При реализации проекта используются средства государственной поддержки (грант) в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 г. №11-рп и на основании конкурса, проведенного Региональной общественной организацией «Институт проблем гражданского общества».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Естественные науки ближе Богу. Знания наук о Земле и Космосе, животном и растительном мире, о законах физики и химии можно углублять и расширять. История — наука сугубо человеческая. Её создают сами люди. И даже такую упрямую вещь, как факт, лукавый ум умеет переиначить-интерпретировать по-своему. Потому так запросто и говорят о переписывании истории. Историю невозможно познать в виде набора фактов, её невозможно вызубрить — историю нужно мыслить. Именно об этом наш проект.

Отечество — понятие сложное. Оно далеко не всегда совпадает с географическими и политико-экономическими понятиями «страна-государство». И уж тем более — «граница». Оно часто не совпадает и с понятием «Родина». Род, семья, домашний очаг — понятия материнские, глубинные. Они в основе человеческих историй. Из этих семейных сплетений и выходит новая общность, которая позволяет размышлять об обществе, чести, доблести, славе. Дом — мир женщины. Мир — дом мужчины.

Матери видят в сыновьях своих любимых, видят «образ отцов» — предчувствуют и оплакивают подвиг их мужества. Отцы же нежно любят дочерей, отчески вставая на защиту семьи и рода. Они любят их, как матерей, чтут память предков и обеспечивают славу потомкам.

Патриотизм (от греческого «патрио») отсылает именно к Отечеству. Патриотизм предполагает деятельную любовь на общее благо, самоотречение и подвиг. Крайне важно при этом отчётливо понимать, что война — это не только протуберанцы славы, но и чёрные дыры небытия. Что это не только возможность развить-облагодетельствовать добычей свой род, но и опасность пресечь его навсегда.

О некоторых событиях говорят — «это событие эпохальное» или «событие исторического масштаба». Осознать мгновенно значение таковых чаще всего невозможно. Недаром такие эпические осознания-полотна, как «Война и мир» Толстого и «Красное колесо» Солженицына, возникают спустя десятилетия. Лицом к лицу можно лишь оценить потери, ужаснуться-задуматься-погордиться. Для великих и страшных событий, из порохового дыма которых возникает образ Отечества, нужна возможность отойти, посмотреть из другого времени.

Именно сейчас это время!

При подготовке проекта «Проотечество» мы задумались о том, как раньше говорили о патриотическом воспитании, непосредственно рядом с событиями.

В процессе поиска мы познакомились с творчеством русской писательницы Клавдии Владимировны Лукашевич, которая занималась в том числе и вопросами патриотического воспитания юных граждан Российской империи того времени, 100 лет назад.

ЛУКАШЕВИЧ КЛАВДИЯ ВЛАДИМИРОВНА (1859—1937)

Писательница, родилась в Петербурге в семье чиновника. Была учительницей до 1881 (некоторое время в Иркутске). В 80-е начала литературную деятельность; писала исключительно для детей в разных жанрах: повести, рассказы, очерки, пьесы («Веселые дни. Сцены из народного быта», 1896; «В сельской школе. Сцены для школьного театра», 1898, и др.), биографии великих людей. Лукашевич составляла хрестоматии для семьи и школы, детские календари, сборники к литературным юбилеям («Школьный праздник в честь Л. Н. Толстого»), историческим событиям («Осада Севастополя») и др. Ее «Азбука-сеятель и первое чтение для школы и семьи» (1907) выдержала множество изданий. Сборники рассказов для детей младшего возраста («Зернышки», 1889, и др.), среднего и старшего возраста («Босоногая команда», 1896, и др.) были в свое время популярны. Произведениям Лукашевич присущи сентиментальность и дидактичность; в то же время они проникнуты любовью к детям, желанием пробудить в них человечность, трудолюбие, внимание к окружающему миру. Наиболее значительны автобиографические повести: «Мое милое детство» (1914) и «Жизнь пережить — не поле перейти» (1918).

В помощь педагогам и участникам проекта мы подготовили брошюры, включающие избранные отрывки из хрестоматий Клавдии Лукашенко по теме патриотического воспитания и посвященные событиям Отечественной войны 1812 года и Первой мировой 1914 года.

При подготовке брошюр были использованы фрагменты книг издания типографии И. Д. Сытина 1912 и 1915 годов.

«Школьный праздник в память славных подвигов родных героев 1812 года» и «Патриотическое школьное литературное утро в пользу раненных воинов».

Мы будем рады, если эти брошюры помогут вам сделать ваши мероприятия более качественными, смогут передать дух событий того времени.

С уважением к Вам, команда проекта «Проотечество».

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА¹

Часть I. 1812 год

Император Александр I.
Наполеон Бонапарт

Сто лет тому назад нашу дорогую Родину постигло страшное испытание: величайший полководец того времени, французский император Наполеон Бонапарт, вторгся неожиданно в Россию с «дванадесью языками».

Как страшный ураган, пронесся над царствами Европы Наполеон и «победил полмира». Этот неукротимый завоеватель ворвался в пределы Русской земли и грозно пошел вперед, все разрушая, попирая на своем пути, принося горе, страдания, страх и смерть.

Гордые своей непобедимой славой полки Наполеона быстро дошли до священных стен Кремля...

Но еще быстрее должны были они уйти назад... Они шли грозными победителями, а ушли жалкими, рассеянными, побежденными.

Много войн вела Россия, но никогда война не вызывала такого патриотического напряжения, такого народного подъема, как война 1812 года. На защиту Родины поднялся весь народ. С надеждой на помощь Божию, с верой в правое дело, народ черпал воодушевление в единении со своим царем. На царский призыв «постоять за Родину» поднялись все от мала до велика: дворяне, крестьяне, духовенство. И каждый готов был «лечь костями за родную землю».

¹

Эта статья должна быть прочитана учениками до школьного праздника. Для прочтения во время праздника она должна быть сокращена наполовину.

Император Александр I

Когда стало известно, что Наполеон, — этот грозный «бич Божий», двинулся на Россию, волнения и ужас невозможно было описать.

«Антихрист пошел с нечистой ратью истреблять русский народ и веру», — заговорили тогда православные. Можно себе представить, как ополчился и воспламенился народ!

Как раз в то время на небе появилась блестящая комета с длинным хвостом. Суеверный народ счел это за грозное предзнаменование будущих несчастий:

«Пометет она Русскую землю», — говорили в народе. За кометой явились новые бедствия: во многих губерниях появился голод, случились пожары городов и сел. Время надвигалось смутное, страшное.

В то время в России царствовал император Александр I, прозванный Благословенным (внук Екатерины Великой). День восшествия его на престол был днем всеобщей

радости в России. Все знали, что молодой государь, прекрасный собой, милостивый и просвещенный, любит горячо народ и радуется об его благе. Много светлых надежд возлагали на юного монарха. Он умеет ладить с иностранными государями и вместе с тем твердо отстаивает права и пользу России.

Во Франции в то время был императором Наполеон I Бонапарт. Александр I и Наполеон были союзники. Но только не крепок и не на радость был этот союз для обоих императоров.

До тех пор Франция почти 25 лет переживала смутное время — революцию, и сражалась со всей Европой. Эта борьба стоила всем несчетных миллионов жертв и людьми, и деньгами. Война родит всегда несчастья, беды и требует много тяжких жертв.

В это время на сцену исторических событий вышел впервые Наполеон Бонапарт. Он был сын бедного дворянина и родился на острове Корсика в 1769 году¹.

¹

Остров Корсика находится на Средиземном море и принадлежит Франции.

Наполеон получил военное образование и вступил во французскую артиллерию поручиком. Еще в раннем детстве он выделялся живой, острый ум, сообразительность и любовь к военному делу. Он умел властвовать над товарищами и подчинять их своим капризам и воле. Один из учителей всегда говорил: «Этот мальчик далеко пойдет». Конечно, не мог он тогда предвидеть этой дали...

Молодой энергичный поручик Бонапарт участвовал почти во всех войнах, которые вела тогда Франция. И всюду отличался находчивостью и был впереди других...

Необыкновенные способности поручика были замечены республиканскими правителями Франции. В короткое время он достиг того, что в 24 года был произведен в генералы и назначен главнокомандующим французской армией в Италии.

Наполеон был умнее, энергичнее, находчивее других; к тому же, страстно предан военному делу. Его ум и знания возвышались над толпой; кроме того, был властолюбив и хитер. Он только и мечтал, чтобы выдвинуться и захватить власть. Ведя французскую армию от одной победы к другой, он стал ее идолом. Войска обожали своего грозного, непобедимого предводителя. В то же время он видел, что многие недовольны правительством, что всюду беспорядки, неурядица, в народе ропот. Нужна лишь сильная твердая власть. И молодой генерал решил попытать счастья. Скоро он уже один управлял Францией и все охотно подчинялись ему. Среди начальствующих лиц тоже много было его приверженцев. И вот в 1804 году бедный корсиканец был провозглашен императором Франции. Все государства Европы, а также и Россия признали его в этом достоинстве.

Достигнув власти, славы, почестей, другой, менее честолюбивый человек все свои силы и знания положил бы на то, чтобы успокоить свой исстрадавшийся народ, дать ему хорошие законы, ограждать от врагов и стать благодетелем своей страны.

Но не то было на уме у Наполеона. Его неудовлетворимый военный гений не мог остановиться на мире и покое. Он был опьянен своим возвышением, и его гордый ум не знал преград в своем величии. Он желал быть повелителем не одной Франции, а целого света.

Неслыханные удачи сопутствовали ему. Он покорил большинство государств. Войны его были быстры, неожиданны, удачны, и победы блестящи. И хотя все его считали страшным бичом человечества, но признавали грозным, непобедимым завоевателем и страшились его.

С подчиненными государствами Бонапарт расправлялся бесцеремонно и самовольно: в Италии, Испании, Голландии, Вестфалии и многих других он сажал королями своих братьев и любимых генералов, часто людей недостойных и неспособных.

В то же время Наполеон развелся со своей первой женой. Сначала он посватался за родную сестру императора Александра I. Но русский царь вежливо отклонил это предложение. Обида была нанесена гордому сердцу властителя. И он никогда не мог простить обиды.

Тогда Наполеон вступил во второй брак с дочерью австрийского императора Луизой-Марией. Он не замедлил сделать Пруссию своей союзницей и так опутал ее, что она вступила с ним в союз вопреки своим выгодам.

Пробовал он опутать и Россию, но император Александр не поддавался на его льстивые приманки и обещания. Англия тоже была против него. Хотя Бонапарт не мог действовать на нее силой своего оружия, потому что она находилась за морем, а у него не было больших кораблей.

Зато большинство мелких немецких государств всецело покорились владычеству французского императора.

В ту пору все преклонялись перед ним в боязливом молчании. На его больших выходах, где присутствовали короли, принцы, высшие сановники, военные люди и знаменитые ученые, царствовала обыкновенно глубокая тишина. Каждое слово его жадно ловилось и, передаваемое иностранными агентами во все страны Европы, возбуждало толки, надежды, опасения. Сам Наполеон, в мундире со звездой Почетного легиона, с маленькой шляпой под мышкой, порывисто переходил от одного лица к другому, то даря приветом, то оледенения презрением. Задумчивый, мрачный, он редко улыбался. Речь его была коротка, отрывиста. Ласковое слово его отзывалось обычной угрюмостью и казалось гневным. Наполеон в это время мечтал о покорении всего света. Возвратившись в 1810 году из путешествия в Голландию, он гордо заметил: «Через пять лет я буду владеть светом... Остается только Россия, но я подавлю ее». Он приказал вылить медаль с изображением Бога и надписью: «Тебе небо, мне земля».

Властолюбивый, гордый, Наполеон не мог забыть обиды, которую будто бы ему нанес наш государь, отказав ему в руке своей сестры. Он не мог примириться с мыслью, что ему должно сноситься с Александром I, как равному с равным. Бонапарт начал делить нашему государю неприятности.

Наполеон I

Император Александр I до начала нашей великой Отечественной войны 2 раза вступал в борьбу с Наполеоном: один раз в союзе с Австрией, а в другой раз в союзе с Пруссией, и оба раза неудачно. Последняя распря окончилась Тильзитским миром 25 июня 1807 года. Оба императора встретились на реке Неман недалеко от города Тильзита. Здесь между ними был заключен мир и союз.

После Тильзитского мира и после родства со старинным императорским домом самовластие и честолюбие Наполеона не имели пределов.

Чтобы привести в исполнение свой исполинский замысел, Наполеон стал готовиться к войне с Россией, изыскивая всевозможные предложения для объявления ее. Все

больше и больше сказывалось охлаждение друг к другу тильзитских союзников: ни за что ни про что Наполеон отнял землю у герцога Ольденбургского, дяди Александра I, затем стал увеличивать Варшавское герцогство, в чем русский государь увидел угрозу, направленную против России, и потребовал от Наполеона письменного обязательства в том, что Польша никогда не будет восстановлена¹. Обещая это на словах, Наполеон не пожелал подписывать подобного обязательства, не переставал манить поляков мечтой о возможности восстановления Польши, привлекал их на свою сторону и готовил себе союзников на самой границе России. Точно так же старался он вредить русскому государю и в Швеции,

и в Турции, с которыми Россия вела тогда войну, сам же между тем не переставал упрекать императора Александра в неточном соблюдении тильзитских условий и в недостаточном строгом охранении континентальной системы. Действительно, система эта была чрезвычайно невыгодна для России, получавшей из Англии необходимые для нее мануфактурные произведения и посылавшей туда свои сырые продукты; как безусловно вредная торговле нашего Отечества, она не слишком строго соблюдалась императором Александром, который в то же время, имея все основания быть недовольным Наполеоном, обложил высокой пошлиной товары, привозимые к нам из Франции.

¹ Польша, как самостоятельное государство, была уничтожена тремя разделами ее между Пруссией, Австрией и Россией.

Князь М. Б. Барклай-де-Толли

Часть II. Причины и начало Отечественной войны

Вторжение Наполеона в Россию.
Манифест русского царя.
Народ поднялся на защиту Родины

С начала 1811 года Наполеон стал уже открыто и деятельно готовиться к войне, пополнять свою армию, подвозить к нашей границе как боевые, так и съестные припасы, устраивать склады, и все эти начинания объяснять нерасположением к нему будто бы России.

Силы Наполеона оказались громадными. Целый год собирал он свою армию, и сверх того, принудил и всех союзников прислать ему на помощь свои войска. Таким образом к весне 1812 года у него собралось до 600 тыс. человек, назначенных для вторжения в Россию. Кроме французов, были тут и австрийцы, и пруссаки, и итальянцы, и поляки, не считая небольших отрядов, завербованных в разных мелких немецких

государствах. При войске его находилось до 1400 пушек и до 180 тыс. строевых и обозных лошадей. До 6000 повозок везли за войском съестные припасы, а для переправы войска через реки приготовлено было несколько мостов на лодках и припасено множество всяких материалов для постройки мостов из леса. Так на Западе собиралась на Россию страшная туча вражеская. Как же русские готовились встретить эту грозу?

В то время не было еще у нас ни железных дорог, ни шоссе, а были простые грунтовые дороги. Весной от тающего снега, а осенью от частых дождей дороги так размокали и портились, что езда по ним делалась очень трудной и медленной, особенно при передвижении тяжелых пушек и войскового обоза. Чтобы собрать войска к границам, много надо было времени. Не было у нас в ту пору всеобщей воинской повинности, а между тем нельзя было оставить без войска и огромное простран-

ство Русской земли; везде требовалась военная сила для соблюдения порядка и безопасности. Сверх всего этого, у нас велась еще война с Турцией, и там под командой генерала Кутузова находилась армия числом с лишком в 50 тыс. человек. По всем этим причинам император Александр против огромного войска Наполеона успел выставить только 218 тыс. человек и 942 пушки. Все наше войско разделено было на три части. Военный министр Барклай-де-Толли был назначен главнокомандующим и принял на себя начальство над главной армией. Это был храбрый генерал, но человек осмотрительный и осторожный. Он хорошо знал военное дело и умел владеть собой: под неприятельскими выстрелами распоряжался спокойно и храбро. Он понимал, что нельзя грудью солдат отбивать неприятельские войска, которые были втрое многочисленнее наших; если они одолеют и мы потеряем армию, то дело наше погибло. Вот поэтому-то он и решился избегать встреч с неприятелем и отступать до тех пор, пока соединятся Первая и Вторая армии. Второй армией, расположенной южнее, командовал генерал князь Багратион, совсем не похожий характером на Барклая. Ученик и любимец великого Суворова, он привык водить солдат вперед и был против отступления даже пред таким сильным и искусным неприятелем, каков был Наполеон. Войско больше любило Багратиона, чем осторожного Барклая. Однако, повинаясь предписаниям главнокомандующего, Багратион также вынужден был избегать французов, употребляя при этом все свои усилия на то, чтобы как можно скорее соединиться с Первой армией. Третья армия, под начальством генерала Тормасова, была расположена еще южнее Второй и долж-

на была охранять нашу западную границу. Часть Первой, главной армии, под начальством графа Витгенштейна, занимала сначала Лифляндию и Курляндию, а потом передвинулась в Витебскую губернию, чтобы преградить путь неприятелю в Петербург. И недаром называли графа Витгенштейна спасителем Петербурга и Пскова: рядом славных побед он действительно заслони́л нашу столицу и древний наш город Псков от вторжения французов.

Получив в начале апреля известие о приближении французских войск к западной границе России, Александр отправился (9 апреля) в Вильно, где была Главная квартира нашей Первой армии. В день отъезда императора граф Румянцев пригласил к себе французского посла и передал ему от государя поручение сообщить Наполеону, что Его Величество в Вильно, как и в Петербурге, остается его верным союзником, что он не желает войны и сделает все, чтобы избежать ее, что его отъезд в Вильно вызван известием о приближении французских войск и имеет целью воспрепятствовать генералам предпринять какое-либо движение, которое могло бы вызвать разрыв.

Этого мало. Князь Куракин вручил Наполеону собственноручное письмо нашего государя, в котором Александр изъявлял согласие на принятие герцогом Ольденбургским другого владения и на облегчение нашего тарифа в пользу французской торговли, но вместе с тем требовал, чтобы для избежания всяких поводов к столкновению между Францией и Россией, были выведены французские войска из Пруссии и уменьшен гарнизон в Данциге.

Наполеон ответил князю Куракину, что не может исполнить наших требований. «Я иду в Москву, — говорил он, — и в одно

или два сражения все кончу. Император Александр будет на коленях просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россию. Меня ждут там. Москва — сердце империи... Без России континентальная система есть пустая мечта».

Окружение Наполеона с благоговением слушали подобное его самохвальство; они были уверены в непобедимости своего императора. Все почти с нетерпением ждали начала военных действий; всем хотелось отличиться, прославиться и побольше захватить добычи.

16 мая Наполеон выехал из Дрездена и стал постепенно приближаться к Неману. Он отдал (10 июня) приказ по войскам следующего содержания:

«Солдаты! Вторая польская война началась! Первая кончилась под Фридландом и в Тильзите, где Россия клялась вечно сохранять союз с Францией и враждовать с Англией. Она нарушила эту клятву! Она отказывается объяснить свои странные действия, пока французские орлы не отойдут за Рейн, предоставляя ей в жертву наших союзников. Россия увлекается роком! Она не избегнет судьбы своей. Неужели она думает, что мы изменились? Разве мы уже не войны Аустерлица? Она предлагает нам бесчестие либо войну; выбор не подлежит сомнению. Итак, вперед! Перейдем через Неман, внесем оружие в пределы России! Вторая польская война, подобно первой, прославит оружие французское; но мир, который мы заключим, будет прочнее и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы».

12 июня 1812 года Наполеон без объявления войны перешел около города Ковно реку Неман и вступил в русские пределы.

Неизбежное свершилось: началась великая Отечественная война.

В Вильно было все спокойно. Никто, кроме государя, не знал о приближении неприятеля. Виленская публика даже веселилась. 12 июня в честь государя был дан бал. В разгар бала к государю подошел генерал-адъютант Балашов и тихонько передал ему известие о начавшейся переправе французской армии через Неман. Император Александр явил редкий пример самообладания: он приказал Балашову хранить это известие втайне и продолжал очаровывать всех гостей своей изысканною любезностью. Уехав с бала во время ужина, государь большую часть ночи провел в работе.

Перед выездом из Вильно Александр в виде последней миролюбивой попытки послал к Наполеону Балашова с сообщением, что он и теперь готов на мир, если французы немедленно отойдут от границы. Однако и этот последний шаг на пути сохранения мира, так же как и все предыдущие, не увенчался успехом. На полные достоинства и сдержанные речи посланца русского царя Наполеон горячился, уверял Балашова, что никогда еще Россия не начинала войны при таких невыгодных обстоятельствах, что русские солдаты после Аустерлица заранее уверены в том, что французы побьют их, и что это действительно неизбежно, потому что с ним, Наполеоном, идет вся Европа; России же решительно не на кого надеяться.

«Мы сделаем, что можем», — отвечал Балашов, и на вопрос Наполеона: «По какой дороге можно пройти к Москве», прибавил с иронией: «Русские, как и французы, говорят, что все дороги ведут в Рим. В Москву тоже немало путей: Карл XII шел туда на Полтаву».

Вступление Наполеона в Россию

Император Александр I не желал войны. Но раз она началась — он, уверенный в своем народе, высоко поднял русское знамя и твердо держал его во все время войны. В ночь на 13 июня государь подписал нашим войскам приказ, в котором говорилось так:

«Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам об их долге и храбрости. Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу. Я — с вами! На зачинающего — Бог».

В то же время император писал к фельдмаршалу Салтыкову, главнокомандующему в Петербурге:

«Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

Затем государь вместе с главной армией выступил из Вильно и отправился к Витебску в Дрисский укрепленный лагерь.

Через пять дней после этого в Вильно прибыл уже Наполеон и остановился в тех же самых комнатах, где жил ранее наш государь.

Для защиты Отечества от вторжения врага у нас на западе сосредоточились две армии. Вторая армия Барклая стояла южнее Первой Багратиона. Наполеон за-

М. Б. Барклай-де-Толли

Князь П. И. Багратион

Граф П. Х. Витгенштейн

Генерал от кавалерии Н. Н. Раевский

думал врезаться между двумя войсками и разбить каждое отдельно. В этом промежутке стоял только храбрый атаман Платов с 16 казачьими полками. Французов

было множество, а казаков мало. Однако они показали себя молодцами: тревожили французов быстрыми набегами и небольшими стычками.

Император Наполеон I

Между тем самим государем предписано было Багратиону спешить на соединение с Барклаем. Багратион хотел пробраться к Витебску через Минск, но неприятель успел уже занять этот город раньше его; тогда Багратион повернул на Могилев. Платов с казаками шел позади него. Со своей стороны Барклай, шедший на соединение с Багратионом, встретился с французами около Витебска при селении Островно, но не мог одолеть их, потому что их было вдвое больше, и стал отступать к Смоленску, куда и Багратион спешил через Могилев.

Между тем война уже давала о себе знать: началось опустошение страны. В ожидании неприятеля крестьяне уходили из деревень в леса и следовали за нашим во-

йском. Солому с крыш они уносили в лагерь, заборы, двери, ставни разбирались на дрова, а остальное сжигали казаки. Густая высокая зелень озимого хлеба, уже начинавшего колоситься, вытаптывалась при движении войск. Всякий думал: вытопчем все, по крайней мере, французу не останется. Погода не благоприятствовала отступлению: то шел проливной дождь, то становилось душно и жарко. Солдаты на больших переходах скоро уставали под тяжестью ранцев и киверов, в суконной толстой одежде. Тогда кивера были большие, тяжелые — не то что нынешние шапки; солдату было гораздо труднее в походе, чем теперь. Много было отсталых; завалившись где-нибудь, чтобы отдохнуть, они попадались в руки неприятеля. Не любо было солдатам это быстрое отступление; уныние стало распространяться между ними, и они тихонько роптали на начальство. А начальство знало, что делало.

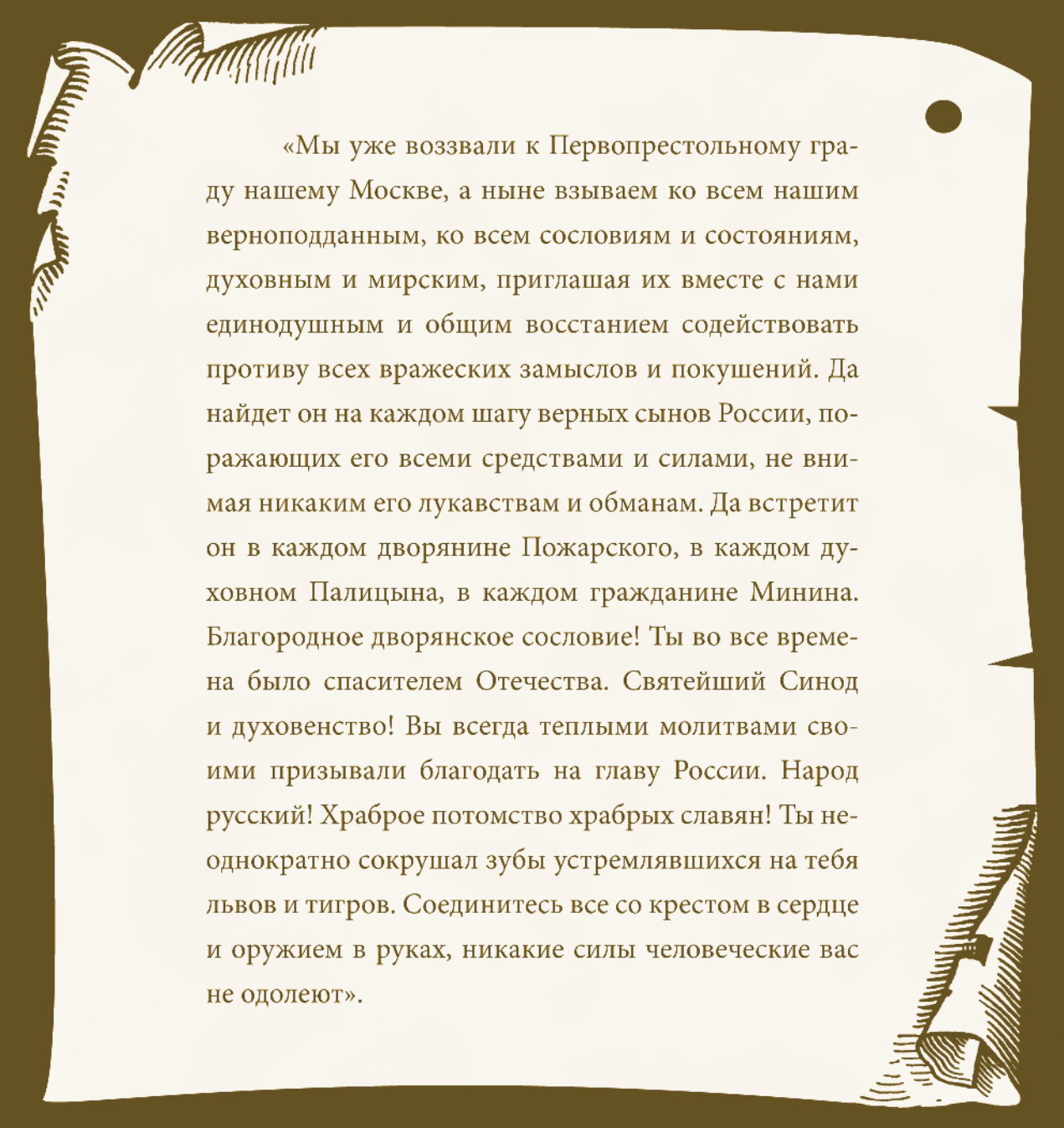
Первые столкновения с неприятелем уже ясно показали, как велики были силы его, а потому император Александр решил призвать на борьбу весь свой верный народ и 6 июля, в Полоцке, подписал манифест ко всей России. Этим было положено начало народному ополчению.

*И лишь кликнул царь,
Собрала детей,
Свой народ на брань,
Стариков и жен,
Вдруг со всех сторон
Приняла гостей,
Поднялася Русь.
На кровавый пир¹.*

¹

Стихотворение Никитина О. Е.

Вот этот знаменитый, памятный манифест:

«Мы уже воззвали к Первопрестольному граду нашему Москве, а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единокровным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все со крестом в сердце и оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют».

Оставив армию в ночь на 7 июля, государь отправился в Первопрестольную. Везде и всюду, куда бы он ни приезжал, его встречали с восторгом и воодушевлением, с готовностью жертвовать всем для спасения Оте-

чества. Несметные толпы народа, люди всех званий и сословий приветствовали государя при въезде его в Смоленск. Смоленское дворянство тут же подало прошение о разрешении вооружиться самим и вооружать сво-

их крестьян. Готовые выставить до 20 тыс. ратников ополчения смоляне брались также снабдить их продовольствием и всем необходимым. Глубоко тронутый этим добровольным вызовом ополчиться против врага Отечества, государь в Смоленске же был обрадован известием о подписании султаном мира, заключенного с турками в Бухаресте. Дунайская армия, таким образом, могла теперь принять участие в военных действиях против французов, и Чичагову, командовавшему после Кутузова этой армией, повелено было идти на подкрепление Тормасова.

Точно так же радостно, с неподдельной, восторженной любовью был встречен государь и в Дорогобуже, и в Вязьме, и в Можайске, — словом, во всех тех городах, которые ему пришлось проезжать на пути в Москву.

Но всего сильнее сказался подъем народного духа в Москве.

11 июля в Москве был обнародован манифест о всенародном ополчении и особое воззвание к Первопрестольной столице. Стало известно, что едет государь и что он уже близок, в одном переезде от нее. Древняя столица мгновенно поняла, что значит этот приезд. «И вот Москва, — говорит современник, — вышла из себя»: ушла вся навстречу своему царю. Без всякого уговора, мгновенно стали запирались всюду и торговые заведения, и мастерские, и дома, и волны народа, на минуту заходя в отпертые храмы или только помолившись у них, устремились за заставу, на Смоленскую дорогу, навстречу государю. На протяжении 15 верст за Москвой вся эта дорога залита была народом. Медленно сквозь густые толпы двигалась коляска государя. На пути в селах навстречу к нему выходило в облачениях, с крестами, сельское духовен-

ство. Известный поэт Федор Глинка писал: «Церковные облачения, свечи в руках священников сильно действовали на душу, волновали чувства и возбуждали множество мыслей... Тяжело становилось на сердце, томилась душа и тревожился ум... Глаза невольно поднимались к небу, как бы желая в нем прочесть будущую судьбу Отечества». В полночь государь подъехал к Москве. На Поклонной горе его встретило духовенство из ближней церкви: священник держал на серебряном блюде крест, дьякон стоял с зажженной свечой. Государь остановил лошадей, вышел из коляски, положил земной поклон и с глубоким вздохом приложился к кресту. В ответ на этот вздох из груди смиренного священника вырвался энергичный возглас: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его»... Окружающий народ, охваченный глубоким чувством, тихо заговорил: «Наполеону не победить нас: для этого нужно всех нас перебить»... Уже слышалось глубокое народное движение.

С рассветом 12 числа народные волны залили не только Кремль, но и прилегающие к нему местности. В 9 часов на высоте Красного крыльца появился государь и поклонился народу. Раздалось такое «ура», которое заглушило звон колоколов на Иване Великом и, казалось, страшной силой своей потрясло все основания Кремля. На каждой ступени исторического крыльца множество стоявших на коленях обнимали ноги государя, целовали полы его одежды, обливая ее слезами. У подножия крыльца какой-то старик в крестьянской одежде сказал: «Не унывай, государь, видишь, сколько нас в одной Москве. Веди нас, куда знаешь, отец наш родимый! Все отдадим тебе. Все умрем или победим».

Растроганный государь едва мог двигаться сквозь теснившийся народ. Свита пыталась раздвигать его, но государь говорил: «Не троньте, я и так пройду». Казалось, такого единения царя и народа никогда не видела историческая Москва и встарь. Безмолвные государь и народ только обменивались взорами, но в этих взорах уже была решена судьба всего — судьба Москвы, судьба войны, судьба Наполеона. При входе в Успенский собор архиепископ Августин в глубоком прозрении сказал: «Господь сил с тобою, царь: Он обратит бурю в тишину и умолкнут волны потопные. С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог».

Помолившись у мощей святителей московских и у гробов своих державных предков, государь отправился в Слободской дворец, где собраны были дворянство и городские сословия.

По прочтении манифеста среди дворян заговорили: «Теперь не время рассуждать, надобно скорее действовать; кипит война необычайная. Она требует мер чрезвычайных. Двинемся с крестьянами сотнями тысяч, вооружимся, чем можем. Дружинами своими отрежем Наполеону путь назад, покажем, что Россия восстает за Россию, на свою защиту!»

В другом зале, где собрались купечество и другие сословия, чтение манифеста с каждым новым словом его все больше волнует присутствующих. Но вот прочтены слова: «Неприятель с лестью на устах несет в руках оковы», и в зале раздаются грозные крики гнева и ярости, рвут на себе волосы, бьют себя в грудь, ломают руки...

Прибыл государь, и мгновенно во дворилась мертвая тишина. Вот он говорит дворянам: «Вы, по примеру предков, не потерпите ига чуждого, и неприятель не вос-

торжествует в своих дерзких замыслах. Этого ожидает от вас Отечество и государь».

«Готовы умереть. Все, что имеем, отдаем тебе», — раздалось по залу, и тотчас же стали говорить, сколько поскорее вооружить ратников за счет дворянства; в первое же ополчение решено было снарядить 80 тыс. и пожертвовать 3 млн деньгами.

Государь плакал, от волнения никто не мог удержать слез. Успокоившись несколько, он сказал: «Я много ожидал от московского дворянства, но оно превзошло мои ожидания. Благодарю вас именем Отечества!» Покинув дворянство, он перешел в купеческую залу и здесь также до глубины души был потрясен грозным энтузиазмом и многомиллионными жертвоприношениями. С поразительной быстротой москвичи собрали между собой 10 млн на войну.

Взволнованный и умиленный государь много и много раз повторял: «Этого дня я никогда не забуду...»

Государь воочию увидел в Москве Русь допетровскую, во всей ее безграничной любви к царю и Отечеству, готовую на все жертвоприношения, на самую поголовную гибель, ради спасения России...

Между тем войска наши отступали, завлекая Наполеона в глубь России. Это больше и больше возбуждало ропот в войске, не привыкшем отступать, а также и в самом народе. Особенно сильно обрушивалось недовольство за это на Барклая-де-Толли, которого не любили, как человека сухого и замкнутого и как немца по фамилии, его даже совершенно напрасно подозревали в измене. На его приветствия войско отвечало обидным и даже зловещим молчанием... Решено было, чтобы армии Барклая и Баграциона соединились под Витебском. Наполеон же старался всячески помешать этому

и говорил, что тот и другой никогда больше не увидятся. Против отдаленного от Первой армии для защиты дороги в Псков и Петербург корпуса генерала Витгенштейна он отправил часть своего войска под начальством маршалов Макдональда и Удино, которые потерпели поражение под Полоцком и не могли двинуться по направлению к Петербургу. Отступление же главных наших войск сопровождалось упорными битвами Барклая у Витебска, Баграциона под Могилевом и Оршей. Вопреки усилиям Наполеона наши войска 21 июля соединились под Смоленском, а для обеспечения их отступления далее решено было защищать некоторое время этот город. Прежде всего генерал Неверовский с 7-тысячным отрядом под Красным героически отбил 40 атак зятя Наполеона, неаполитанского короля Мюрата, и дал возможность 16-тысячному корпусу Раевского занять Смоленск. Целый день 4 августа, несмотря на громадные потери, этот храбрец отбивал приступы 200-тысячной неприятельской армии. На следующий день его утомленные войска сменил корпус генерала Дохтурова, который снова отбил все приступы неприятеля. В ночь на 6 августа вся наша армия спокойно отступила по дороге к Москве, а следом за ней двинулся из Смоленска Дохтуров, оставив изумленному Наполеону одни обгорелые развалины города, покрытые массами убитых...

Положение Барклая-де-Толли после его отступлений и сдачи Смоленска было очень трудное: все винили его за неудачный ход войны. Войско роптало. В обществе даже говорили о его измене. Тяжело было старому боевому генералу все это видеть и слышать. Он ничего не мог сделать, чтобы ободрить войско, рвавшееся в решительную битву. Он понимал, что проигранное сраже-

ние будет гибелью для Отечества. Поневоле приходилось отступать перед неприятелем, который был многочисленнее и сильнее.

Без песен, хмурые, печально шагали наши солдаты по столбовой дороге. Пушки тянулись за ними в шесть рядов. Жара была ужасная. Окруженное облаками черной пыли войско томилось от жажды и усталости. Солнце сквозь облака пыли казалось багровым пятном. Между тем приходилось отбиваться от неприятеля.

Вместе с нашим войском отступало и население деревень и городов, спасаясь от грабежа и насилий неприятельских солдат.

Одни, забрав кое-какое имущество, уходили за войском или перебирались в дальние места; другие скрывались в лесах и оттуда, при всяком удобном случае, вредили неприятелю. Все поступали так, чтобы врагу не оставалось ничего. Жители города Вязьмы раздали нашим отрядам все припасы, какие у них еще оставались, и потом подожгли город. По деревням крестьяне спрашивали наших солдат: «Не пора ли, служивые, зажигать избы?» Что оставляли жители, то зажигали казаки. Верст 20 по сторонам от столбовой дороги, по которой отступало наше войско, виднелись пожары, и перед неприятелем всюду становилось пусто, хоть шаром покати. Чтобы добыть каких-нибудь припасов, неприятельским отрядам приходилось сворачивать далеко в сторону; но и там они немногим могли поживиться.

Наполеон начинал уже видеть, что его ожидало далее. Он вознамерился сделать императору Александру мирные предложения и избрал для того раненого и взятого в плен генерала Тучкова, привезенного в Смоленск. Наполеон имел с ним долгий разговор

и в конце концов поручил ему в точности передать этот разговор государю. Затем он написал собственноручное письмо к государю и отправил его в нашу Главную квартиру. Ответом Наполеону было презрительное молчание.

Итак русская армия дошла до селения Царево Займище на Московской дороге, где найдено было удобное место для большого сражения. Это было 17 августа. Начали строить укрепления, но войска не надеялись уже на близкую встречу с врагами. Поколебалось доверие к главнокомандующему, а разногласие его с князем

Багратионом, начальником Второй армии, достигло высшей степени. И вдруг здесь через несколько часов по вступлении армии в лагерь получено было известие о высочайшем повелении быть князю Кутузову главнокомандующим над всеми армиями и о скором прибытии его к войскам. Радость была огромная.

Так кончилось главное начальство Барклая-де-Толли первыми двумя армиями. Он остался под начальством нового главнокомандующего. Заглушив в себе оскорбленное самолюбие, он продолжал службу свою с прежним усердием.

Генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский

Часть III.

Кутузов — главнокомандующий.
Бородино.
Военный совет в Филях

Михаил Илларионович Кутузов был природный русский, любимец войска и народа. Человек замечательного ума и образования, дальновидный и, по свидетельству современников, ловкий и хитрый, он рано начал свою боевую карьеру и считался учеником Румянцева и великого Суворова. В царствование Екатерины он участвовал в двух турецких войнах и оба раза был тяжело ранен в голову, причем в первый раз пуля ударила его в левый висок и вылетела у правого глаза; вторая рана была в щеку. Приняв участие в штурме Измаила, он явил в этом деле чудеса храбрости и воинского искусства, и Суворов в своем донесении так говорил о своем младшем сподвижнике: «Кутузов шел у меня на левом крыле, но был моей правой рукой».

В 1805 году, уже в царствование императора Александра, Кутузов был назначен главнокомандующим союзной русско-австрийской армией. Вынужденный против желания дать Наполеону сражение при Аустерлице он не мог нести ответственности за поражение, которое нанес союзной армии Наполеон. Но император Александр винил в этой неудаче старого полководца. Некоторое время Кутузов оставался в тени и в немилости. Наконец, в 1811 году явилась необходимость назначить его главнокомандующим в войне с Турцией. Уничтожив целым рядом блестящих военных действий 60-тысячную турецкую армию, он заставил Турцию подписать мир в Бухаресте, что как раз совпало со вступлением Наполеона в наше Отечество. И все чаще и чаще произносилось в народе имя старого любимого полководца, все более и более укоренялось в войске и в обществе убеждение, что только Кутузов может спасти Россию. Израненный в боях, в высшей степе-

У Шевардинского редута

ни религиозный Кутузов считался прямым преемником Суворова, и все были уверены в том, что стоит ему приехать в армию, — и войска наши перейдут в наступление, начнут бить французов. Государь внял общему голосу, и 8 августа Кутузову было объявлено, что он назначается главнокомандующим над всеми армиями. Весть об этом назначении была встречена в народе и в войске с невыразимым восторгом. Сам Кутузов глубоко был растроган оказанным ему доверием. Накануне отъезда из Петербурга в армию он горячо и со слезами молился в новом Казанском соборе. Тысячная толпа народа плакала вместе с Кутузовым, когда окропленный святой водой, возложив на себя поднесенный ему образ Казанской Божией Матери, он проговорил: «Молитесь за меня, меня посылают на великое дело».

Кутузов отправился в армию 11 августа. Весь путь следования его к войскам был

сплошным торжеством, омраченным только полученным на первой же станции известием о занятии Смоленска французами. «Ключ к Москве взят», — с горечью промолвил Кутузов и спешно продолжил путь туда, где его нетерпеливо ждали и где с именем его связывались надежды на победы и одоление врага. И где бы он ни проезжал, везде встречали его с хлебом-солью, с иконами, все напутствовали его благословениями и словами: «Поспешай, отец наш, избавь нас от супостата».

17 августа новый главнокомандующий прибыл в армию. Поздоровавшись с выставленным для его встречи в Царево Займище караулом, он как бы про себя сказал: «Ну можно ли отступать с такими молодцами?!» Эти слова полководца с быстротой молнии разнеслись по войскам. Сразу поднялся дух солдат, недовольных долгими отступлениями. «Приехал Кутузов бить

французов!», — оживленно и радостно говорили в войсках.

Приехав в лагерь при Цареве Займище, светлейший вышел из кареты и сел на коня. На нем был мундирный сюртук без эполет, белая фуражка с красным околышем, без козырька; через плечо — шарф, через другое — ремень с нагайкою. Завидело его войско и восторженно грянуло «ура». Осмотрел он Царево Займище. «Это место, — сказал он, — для сражения не годится; надо отойти еще подальше». Пошла наша армия дальше по Московской дороге и дошла до селения Бородин. Тут она остановилась там, где текут около Бородинского поля две речки и два ручья: Колоча, Война, Огник и Стонец.

Бородинская битва — величайшее по своему значению событие Отечественной войны — стала разворачиваться с 23 августа. Бородинская позиция представлялась одной из самых удобных для нас на пути от Смоленска до Москвы.

Занятая Кутузовым позиция тянулась 8 верст по прямой линии. На правом фланге, который был особенно доступен для нападения и был важен тем, что в 2 1/2 верстах от него проходила Московская дорога, Кутузов приказал построить редут; на крайнем левом фланге был тоже построен редут — знаменитый впоследствии Шевардинский; у села Семеновского тоже были возведены укрепления, названные потом Багратионовыми флешами; передовой пункт, у деревни Горок, где расположился сам Кутузов, тоже был укреплен.

23 августа Кутузов объезжал войска. Когда он подъехал к корпусу Багговута, из-за рощи вылетел орел. «Он поднимался все выше и выше, — рассказывал очевидец, — наконец, величаво поплыл над нами и как бы остановился над главнокомандующим. Баг-

говут, заметивший его первым, снял фуражку и закричал: «Орел, орел!» Кутузов, увидя орла, также снял фуражку, воскликнув: «Победа, победа российскому воинству! Сам Бог ее нам предвещает!»

На заре 24 августа было пасмурно, затем пошел мелкий холодный дождь, туманной завесой повисший над расположением обеих армий. Утром Наполеон долго и внимательно обзревал расположение русских войск в подзорную трубу и все говорил про себя: «Большая будет битва... Много народа... много-много смертей». Затем повернулся к свите и сказал: «Победа будет наша». 24 августа разыгралось вступление к Бородинской битве. Наполеон напал на наш левый фланг, где был построен нами Шевардинский редут. После упорного боя, когда Шевардинский редут три раза переходил из рук в руки, он остался к ночи за французами.

«Орел, орел!», — Кутузов, увидев орла, снял фуражку

25 августа Кутузов объезжал войска, говорил с ними, старался поддержать, воодушевить солдат. «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой, до последней капли крови, — говорил солдатам старый вождь. — Каждый полк пойдет в дело. Вас будут сменять, как часовых, через каждые два часа. Надеюсь на вас. Бог вам в помощь! Отслужите молебен». Молебны служили во всех полках; вместо налоек полковые образа стояли на барабанах, жарко теплились огоньки свечей, жарки были молитвы бойцов, готовившихся испить смертную чашу. Перед вечером по всему расположению армии понесли крестным ходом образ Смоленской Божией Матери и везде служили молебны, окропляя святой водой укрепления и воинов. Кутузов первый набожно преклонился и молился перед смоленской святыней.

Ночь перед боем была холодная; густой туман, смешанный с дымом горевших деревень, низко стлался по земле. На наших

биваках ярко горели огни костров, но не было слышно ни музыки, ни песен; солдаты отказывались от винной порции, надевали чистые рубахи, чистили амуницию и оружие, готовясь к смертной битве, как к последнему параду.

Было еще темно, когда французская армия в четыре часа утра, 26 августа, одетая в полную парадную форму, начала становиться в ружье. В начале шестого часа Наполеон выехал к Шевардину, где стояла его гвардия. Светало. Костры догорали в слабом свете утра. Было пасмурно, туманно и холодно. Вдруг поднялся ветер и несколько рассеял облака. Показалось солнце. «Вот солнце Аустерлица!», — воскликнул Наполеон. Гвардия отвечала ему радостным: «Да здравствует император!»

Поднявшееся над горизонтом солнце осветило и русские позиции. Мы тоже были готовы. От ручья Стонца и до леса стояла сплошная стена русских войск; войско, держа ружье у ноги, стояло спокойно и выжи-

Наполеон перед битвой (с французской гравюры)

Князь Кутузов, окруженный штабом, встречает икону Смоленской Божией Матери (25 августа)

дало. Ровно в шесть часов раздался густой одинокий пушечный выстрел с гвардейской французской батареи, пронесся и замер среди общей тишины. Прошло несколько минут. Раздался второй, третий выстрел, заколебался воздух. Русские батареи подхватили, и все слилось в общий рев. Начался Бородинский бой.

Кутузов еще до рассвета был в центре расположения своей армии и ждал движения французов. Французы сразу повели нападение на Багратионовы флеши и на Бородино. Первое нападение на Багратиона было отбито им, но Бородино было сразу занято французами. Центр боя завязался тогда у флешей Багратиона. Укрепления Багратиона переходили из рук в руки: то французы займут их, то наши, собравшись с силами, вытеснят французов. Около десяти часов утра

был смертельно ранен Багратион. Утомление наших войск, численный перевес французов, огромные потери — все это помогло, наконец, французам занять Багратионовы флеши. Наши отошли несколько назад, но тут встали и остановили французов. Армия Наполеона усилила свои нападения, вот-вот нам грозил обход левого фланга, но французы были уже не в состоянии сделать последнее усилие, и это дало нам возможность передохнуть и оправиться. Маршалы Наполеона просили у него подкреплений. Но Наполеон отказал, говоря, что ему все еще неясно общее положение дела.

После полудня Наполеон решил всеми силами ударить в центр нашей армии. В три часа дня французы после жестокого боя овладели нашей центральной батареей. Но это были все их успехи. К пяти часам вечера за-

А. П. Тормасов

Генерал-лейтенант К. Ф. Багговут

А. П. Ермолов

Генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров

ходившее солнце осветило страшную картину: на поле Бородинском, усеянном трупами, политом кровью, не было уже ни французской, ни русской армий: тут и там друг против друга стояли кучки людей, издали казавшиеся

каждому из противников войсками, но организованного войска уже не было ни у нас, ни у французов. С рассвета не евши, измученные страшным напряжением нервов, почти десять часов без перерыва не выходя из боя,

ни французы не могли возобновить нападения, ни мы перейти в наступление. Наши войска стояли плотными рядами позади занятых французами укреплений, и наши орудия не переставали отвечать на огонь французских пушек. Участь боя могли решить только свежие войска, но у Кутузова оставалось всего шесть батальонов пехоты, не бывших еще в огне, тогда как у Наполеона была еще не тронута вся гвардия, отборное его войско. Маршалы просили у Наполеона повеления двинуть гвардию вперед, но Наполеон молчал. Он видел, что, несмотря на взятие после усилий целого дня боя флешей и центральной батареи, до окончательного успеха еще очень далеко. Опыт войны ясно говорил ему, что если после усилий целого дня нападающий не добился окончательного успеха, то это значит, что при малейшей случайности достигнутый успех может превратиться в окончательное поражение, и Наполеон отказал маршалам в их просьбе двинуть гвардию. К ночи и мы, и французы стояли твердо на своих местах. Кутузов объявил наступление на следующий день. Но, поговорив с Дохтуровым, героем дня, заменившим Багратиона после Коновницына, приказал отступать к Москве. Более половины русской армии легло костями, надо было сохранить для будущего оставшуюся половину.

Отступление русских французы сочли за свою победу. Но это была странная победа: враг уничтожен не был и, потеряв половину своих сил, стоял в конце боя так же грозно, как и в начале. Это действовало подавляюще на французов. Нравственная сила их войска была истощена. Мы же, устояв против Наполеона в кровопролитнейшем бою, почувствовали, что можем бороться с ним и победить его. Победа моральная была за нами. Для французов Бородино сошло за победу лишь

потому, что мы отступили, но, отступая: «Русские, — как говорит французский историк, — увлекали французов к пропасти. Кутузов своим отступлением сохранял свою армию, Наполеон, продвигаясь вперед, губил свою». Мы шли на свои подкрепления и к пополнению запасов. Наполеону нечего было рассчитывать на подкрепление; он думал в Москве предписать нам мир, но Москва сгорела, и в ее пожаре погибла удача Наполеона.

Нерешительное с внешней стороны сражение и Наполеон, и Кутузов считали каждый своей победой. Первый послал извещение в Париж императрице Марии-Луизе, что он одержал победу над русскими войсками под Москвой, а Кутузов поздравлял русские войска с победой и думал наутро возобновить сражение. Такой же характер имело и его донесение императору Александру.

На Бородинских полях мы потеряли выбывшими из строя 44 тыс. человек, в том числе 22 генерала (Тучковы, Горчаков, Воронцов, Бахметьев и др.) и 2 тыс. офицеров. Не меньше были и потери неприятеля: у него одних генералов вышло из строя 49, почему французы называли Бородинское дело сражением генералов. У нас после битвы осталось 52 тыс. человек, а у Наполеона — 95 тыс.

«Из всех моих сражений, — говорил на острове Св. Елены Наполеон, — самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

«Недаром помнит вся Россия про день Бородина», — сказал наш родной поэт.

Кутузов приказал готовиться завтра к нападению. Все были этому рады: всем верилось, что стоит еще раз всеми силами навалиться на врага — и он будет уничтожен.

Наполеон I в день Бородинского боя (26 августа)

Бородинское сражение (26 августа)

Император Александр I

Но вечером донесли Кутузову, что войско наше сильно расстроилось, хотя и готово на новый бой. «Надобно идти по Московской дороге, — сказал он, — если неприятель и займет Москву, то он в ней расплывется, как губка, и я буду свободен действовать, как захочу». 27 августа, в шесть часов утра, князь Кутузов начал отступать за город Можайск, ближе к Москве.

Заслуги князя Кутузова на поле битвы не остались без должной награды: император Александр возвел его в звание генерал-фельдмаршала.

Хотя мы и отступили, но после Бородинского боя положение Наполеона ста-

ло хуже нашего. Он был на чужой стороне, поубавились у него войска, и пополнить их было нечем; а мы были дома: одних не стало — другие нашлись.

Весть об отступлении была принята нашими невесело. Утром Наполеон, осмотрев поле сражения и увидев, что наши ушли, приказал своему войску идти вперед.

Наши шли уныло, утешая себя надеждой, что под Москвой будет опять сражение. По пути, особенно ночью, везде видны были пожары: крестьяне зажигали свои деревни, скирды хлеба и стоги сена. 1 сентября войско подошло к Москве.

*Военный совет в деревне Филя 1 сентября
1812 года*

На Поклонной горе, в 6 верстах от Москвы, Кутузов остановился, сел на лавку на краю дороги и созвал генералов. Из Москвы приехал главный ее начальник, граф Ростопчин. Фельдмаршал пригласил всех ехать за собой в близлежащую деревню Филя. Там, в просторной лучшей избе мужичка Андрея Севастьянова в два часа собрался военный совет. Фельдмаршал князь Кутузов сел в темном углу за печкой. Он сидел, глубоко опустившись в складное кресло, покрывавал да помалкивал. Вокруг крестьянского елового стола, на котором лежали карты, планы, карандаши, бумага, собралось много генералов. Под самыми образами на первом месте сидел с Георгием на шее с бледным, болезненным лицом, с высоким лбом и лысой головой Барклай-де-Толли. Из глав-

ных начальников были тут: Дохтуров, Раевский, Коновницын, Ермолов, Беннигсен, Толь и другие. Когда все собрались, Кутузов выдвинулся из своего угла и приблизился к столу, но настолько, что его лицо не было освещено поданными на стол свечами. Он заговорил: «Спасение России — в армии. Что выгоднее: принять ли сражение, при чем можно потерять и армию, и Москву, или отдать Москву без сражения?»

Начались толки; мнения разделились. Одни говорили, что надо дать сражение, другие — что это невозможно. Долго толковали генералы. Кутузов все молчал. Наконец он дал знак, и все замолчали. Медленно поднявшись, он подошел к столу. «Господа, — сказал он, — я слышал ваши мнения. Некоторые будут не согласны со мной, но я властью, данную мне моим государем и Отечеством, приказываю отступление».

Отпустив генералов, Кутузов долго сидел, облокотившись на стол, и думал, думал тяжелую думу. Находившийся при нем более 20 лет адъютант, стараясь рассеять его, заводил с ним речь, но слова его оставались без ответа. «Где же мы остановимся?» — наконец спросил он. Тогда фельдмаршал подошел к столу, ударил об него кулаком и сказал: «Уж доведу я проклятых французов, как в прошлом году турок, до того, что будут они лошадиное мясо жрать». После того всю ночь тосковал старый полководец и не раз плакал.

Вступление французских армий в Москву

Часть IV.

Наполеон занимает Москву.

Пожар в Москве.

Французы уходят из Москвы

В Москву стали привозить раненых с Бородинского поля. Ручаясь своими седыми волосами, Кутузов писал московскому генерал-губернатору графу Ростопчину, что он не отдаст Москвы врагам без боя. Но осторожный Ростопчин все-таки приказал спешно вывозить святыни и государственные драгоценности. Для этого окрестные крестьяне снарядили 52 тыс. подвод, отказываясь брать за это плату. Многие осторожные семьи также покидали Москву. Но генерал-губернатор все еще продолжал уверять население столицы, что будет новая битва под Москвой. И вдруг поздней ночью 1 сентября граф Ростопчин узнал, что войска получили приказ идти через Москву на Рязанскую дорогу, а начальник нашего арьергарда, граф

Милорадович, — договорился с начальником авангарда Мюратом, чтобы французы не вступали в Москву до выхода из нее всех русских войск. Мюрат согласился на это, так как Милорадович грозил не оставить в Москве камня на камне.

Когда Милорадович подъехал к Кремлю, из него выходил кремлевский местный гарнизон. Его выступление звучало каким-то раздражающим душу диссонансом: он шел с распущенным знаменем и музыкой. Горячий Милорадович подскакал к начальнику отряда и стал браниться за то, что это сделано так некстати. «Если гарнизон при сдаче крепости получает дозволение выступить свободно, — отвечал начальствовавший генерал, — то выходит с музыкой и распущенными знаменами: так сказано в регламенте Петра Великого». — «Да разве есть в регламенте Петра Великого что-либо о сдаче Москвы? — вскричал пылкий Милорадович. — Прикажите замолчать вашей музыке». И та замолкла.

П. П. Коновницын

Граф А. И. Остерман-Толстой

Войска проходили к Рязанской заставе. Барклай-де-Толли, 18 часов не сходя с лошади, следил за их выходом у Яузского моста. Кутузов, понутив голову, долго сидел за заставой на скамейке, ожидая ответа от Милорадовича. Получив донесение о заключенной с Мюратом конвенции, перекрестился на Москву и, грустный, поехал дальше.

Мрачно, с тяжелыми думами проходили войска через Москву. Купцы, стоя у открытых лавок, предлагали им бесплатно брать все, что им нужно: «Не доставайся де врагам наше добро...» Москва быстро пустела...

2 сентября вся армия Наполеона подвинулась к Москве. В два часа дня на белой арабской лошади, в сопровождении свиты, сам император прибыл на Поклонную гору. Увидав Москву, Наполеон воскликнул: «Так вот, наконец, этот знаменитый город!.. Теперь война кончена. Да и пора уж». Сойдя с коня, он стал рассматривать дивную панораму Москвы в зри-

тельную трубку. И все генералы любовались прекрасным городом.

Пушечный выстрел подал сигнал к вступлению в город неприятельской армии. Кавалерия рысью, а пехота беглым маршем в три ближайшие заставы стали входить в Москву.

Наполеон сел опять на коня и поскакал к Дорогомиловской заставе, ожидая, что здесь, по примеру Вены, Берлина и других столиц Запада, встретит его депутация из властей и знатнейших лиц столицы с ключами от Кремля на почетном блюде. Прискакавшие из города офицеры доложили, что он пуст, оставлен населением. Москва опять вышла из себя, опять опустела, опять ушла, но не так, как при недавней встрече русского царя. «Это невероятно, — сказал Наполеон. — Нужно удостовериться в этом. Ступайте и приведите ко мне бояр». Он нервно зашагал у заставы. Скоро привели к нему группу застрывших в Москве иностранцев, подтвердивших неприятную новость. И мрачный победитель заночевал

Генерал-майор Я. П. Кульнев

Граф С. С. Уваров

в Дорогомиловской слободе, на одном постоялом дворе.

Первым вступил в Кремль через Троицкие ворота отряд генерала Себастиани. Здесь стояла группа народа, вооруженная старинными ружьями, взятыми из арсенала. Из этой группы раздалось несколько безнадежных выстрелов. Французы дали в стоявших два залпа, кавалерия начала рубить их саблями. Оказалось, что кто-то из москвичей, приняв Себастиани за Наполеона, сделал свою отчаянную попытку. Пролилась первая русская кровь в Москве, и она почти в ту же минуту, как будто по сигналу, заалела заревом пожаров, которые вначале показались неприятелю простой случайностью.

На другой день по пустынным улицам мрачно въехал через Боровицкие ворота в Кремль Наполеон. Только войдя во дворец, он почувствовал себя лучше. «Так вот эти гордые стены, — сказал он. — Наконец-то я в Москве, в ее Кремле, в древнем дворце русских царей». Обращаясь к окружающим, он

продолжал: «Русские еще сами не знают, какое произведет на них впечатление занятие Москвы. Посмотрим, что они будут делать... Ведь мы зазимеем среди враждебного нам народа. Впрочем, до этого не дойдет: император Александр не доведет меня до этого и подпишет мир».

Но как глубоко ошибался Наполеон в русском царе. 3 сентября Наполеон вернулся в Москву и поселился в Кремле. Наконец-то достиг он желанной цели. Он не верил, что Москва пуста в полном смысле этого слова. Наполеон полагал, что если бы даже против всякого ожидания император Александр и не попросит теперь сам мира, то зимние квартиры для его армии будут во всяком случае обеспечены и они спокойно прозимуют в Москве, запасутся провиантом и весной возобновят военные действия.

Скоро ему пришлось убедиться, что он жестоко ошибся в своих расчетах: фуража никакого в Москве не оказалось. И кроме

того, в разных местах города вспыхнули пожары. Оставшиеся в городе жители, частью по собственному побуждению, частью, как говорили, по приказанию выехавшего из Москвы Ростопчина, поджигали дома и имущество, и в несколько дней выгорела лучшая часть Москвы.

Настали тяжелые времена. Перелом войны близился, силы противников таяли; наши же силы увеличивались. Весть о занятии Москвы и об ее пожарах распространилась по всей России. Весть эта потрясла болью сердца русские. Фуражировать французам в окрестностях Москвы становилось все более и более опасно: крестьяне беспощадно расправлялись с неприятелями, если они приходили за фуражом небольшими отрядами. Если же являлось их много, то крестьяне уходили от них в леса, сжигая за собой все свое добро; так что врагу нечем было поживиться.

Высшего напряжения пожар Москвы достиг в ночь на 4 сентября. Сильный ветер разносил огонь по всем направлениям горо-

да. Запылало Замоскворечье, горели Ильинка и Тверская; целые столбы дыма и пламени со всех сторон подступали к Кремлю, где в роскошных палатах русских царей, не подозревая еще ничего о надвигавшейся на него грозной пламенной туче, мирно спал в эту страшную ночь Наполеон.

Но зато как страшно было его пробуждение. Небывалое грозное зрелище, представившееся глазам подошедшего утром к окну императора, наполнило душу его смущением и тревогой. Он вдруг осознал весь ужас своего положения: его сломила эта страшная решимость врагов; он понял, что русские сами жгут свою великолепную столицу.

«Какое ужасное зрелище! — резко и отрывисто воскликнул он. — Это сами они поджигают. Сколько прекрасных зданий. Что за люди... Это скифы...»

Пожар свирепствовал все больше и больше, угрожая уже и Кремлю, где легко могли взорваться патронные ящики артиллерии. Но император медлил оставить Кремль: ему казалось постыдным бежать из

Пожар в Москве 3 сентября 1812 года

дворца русских царей, которым он только что завладел. Однако, уступая просьбам приближенных, когда уже повсюду раздавались возгласы: «Кремль горит, Кремль горит», решился он, наконец, оставить его и переехать в загородный Петровский дворец. Но не так-то легко было добраться туда. Пешком, окруженные целым морем пламени, вышли из Кремля Наполеон и граф Сегюр со свитой и гвардией. Кое-как добрались они до Москвы-реки. Дальше идти оказалось еще труднее. «Мы шли по огненной земле, под огненным небом, между огненных стен, — говорит в своих воспоминаниях граф Сегюр, — и если б не случайное обстоятельство, выведшее императора Наполеона, мы неминуемо окончили бы здесь нашу, исполненную треволнений, жизнь». Французские солдаты, познакомившиеся уже с местностью и случайно встретившие императора и его свиту, вывели их по пожарищу к Дорогомиловскому мосту. Сохранилось предание, что Наполеона нарочно завел в огненный тупик один русский купец, решившийся принести себя в жертву, чтоб погубить в огне императора. Наполеон провел 4 дня в Петровском дворце. Он метался, не знал, что делать: он твердо решил идти к Петербургу. Но все его боевые товарищи уже устали и втайне мечтали о мире.

Не получая никаких известий о русской армии и не зная, где она, Наполеон уступил настоянию своих генералов и первый написал письмо о мире императору Александру. Но русский государь даже не ответил ему на это письмо.

Получив известие о сдаче Москвы, государь просидел неподвижно в течение целой ночи у своего письменного стола перед картою России. Ничто не в состоянии было вывести его из бесчувственного состояния.

Наполеон среди развалин Москвы

В эту страшную ночь он много выстрадал: его юношеское лицо было неузнаваемо, даже волосы поседели.

Но когда полковник Мишо привез государю донесение Кутузова о занятии врагами Москвы, он сказал следующие достопамятные слова:

«Возвратитесь в армию, скажите нашим храбрецам и объявляйте всем моим верным подданным, где вы проезжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главе моего дорогого дворянства и моих добрых крестьян и пожертвую всеми средствами моей империи. Она представляет мне более способов, чем враги мои думают. Но если Божественным Провидением предопределено, чтобы моя династия перестала царствовать на престоле моих предков, тогда, истощив все средства, которые в моей власти, я отращу себе бороду и скорее буду питаться черствым хлебом в Сибири, нежели подпишу позор моего Отечества и дорогих моих подданных, жертвы которых умею ценить. Наполеон или я, я или Наполеон, но вместе мы царствовать не можем».

В Успенском соборе

Если Кутузов, войско и народ пожертвовали Москвой, то царь для спасения России готовился пожертвовать собой и престолом своих предков.

Письмо Наполеона к государю, в котором он отклонял от себя ответственность за сожжение столицы, было оставлено без ответа...

Несчастливая пылающая Москва между тем была средоточием позорных, неслыханных злодейств. Посреди свирепствующего огня день и ночь шел разбой, грабеж, душегубство и поругание московских святынь. Солдаты неприятельской армии врываются в церкви и монастыри, грабили драгоценную утварь и облачения, допрашивали и истязали монахов, церковнослужителей, требуя от них указаний, где

спрятаны сокровища. Особенно пострадала при этом братия Донского монастыря, куда сразу вломилось до 200 французов и, бросившись в настоятельские и братские кельи, стали требовать у монахов золота и серебра, били их, рубили саблями, проламывали им головы. Неприятели вообще точно умышленно ругались над святыней русского народа, устраивали конюшни в храмах, лошадей покрывали ризами, выбрасывали иконы, стреляли в них в цель или раскалывали на дрова, спали в алтарях, ели на престолах, а в некоторых монастырях устраивали даже бойни для скота.

Не избежали поругания и кремлевские соборы с их гробницами святых угодников, над мощами которых тоже неистовствовали озверевшие враги. В алтаре Архангельского

собора, например, была устроена кухня для Наполеона, когда тот вернулся в Кремль из Петровского дворца.

С немалой алчностью, мучимые голодом, бросались неприятели также и на продовольственные запасы, когда они находили их, и отнимали у жителей последний иногда кусок хлеба, навьючивали этих несчастных мешками с картофелем, капустой, мукой, словом, всем награбленным добром, и заставляли их нести за собой эти тяжести с места на место по мере того как дома, в которых они располагались, делались жертвой пламени.

С 5 сентября пожары начали затихать и к 10 сентября совсем прекратились. Наполеон вернулся в Кремлевский дворец. Между тем войско требовало продовольствия, а кормить его было нечем, потому что провианта не подвозили, да и ждать его было неоткуда: только одним грабежом и пробаблялись. Наполеон был уверен, что наш царь согласится заключить с ним мир; а покамест потешал он всячески своих солдат, чтобы не очень роптали. Театр велел им устроить; играли в нем французские актеры, которые жили в Москве. Да соловья баснями не накормишь: надо было достать хлеба. Вот и приказал Наполеон объявить по окрестным селам, откуда не все еще крестьяне выбрались, что если они будут доставлять съестные припасы в Москву, то получают хорошую плату. Многие за грех считали на деньги покорытоваться и снабжать неприятеля хлебом-солью, а нашлись и такие, которые польстились на эти обещания, привезли хлеба и точно — получили за него деньги. Что же оказалось? Бонапарт наделал фальшивых русских ассигнаций да ими и расплачивался.

Наполеон старался также ублажать русских, оставшихся в Москве, чтоб еще больше не озлобить их против себя. Вздумал он порядки всякие в городе вводить и приказал духовенству совершать в уцелевших церквях богослужение. Из многих церквей была вся утварь вывезена, а некоторые были ограблены и осквернены. Однако же в нескольких церквях сохранилась кое-какая утварь и в них стали совершать службу. В Замоскворечье, у Петра и Павла, в первый раз отслужили молебен с водосвятием. Те, кто жил поблизости, услышав, как загудел колокол, не помнили себя от радости, и все, кто в силах был, побрели в церковь. Когда отворились царские двери и вышел из алтаря священник с крестом и Евангелием, весь народ упал ниц. А когда во время водосвятия запели на клиросе: «Спаси, Господи, люди Твоя», все стали на колена и повторили хором молитву, а потом уж и слов молитвы не слышно было за плачем и рыданиями. Когда запели: «К Богородице прилежно ныне притецем», матери подымали на руках грудных младенцев к иконе и громко зывали: «Пресвятая Дева, спаси невинных чад». Голос оборвался от слез у диакона, когда он на ектений упомянул о царствующем граде.

Наполеон жил полным хозяином в Москве. Назначил он губернатора, полицмейстера и других полицейских чиновников — все из французов. Объезжал иногда верхом город, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Когда французы только еще вступали в Москву, начальник Воспитательного дома, генерал Тутолмин, отправился к одному из французских генералов и объяснил ему, что, мол, «у меня в заведении несколько тысяч детей, потому что не успели их вывезти, да и некуда было их деть, так не дадите ли мне охранную стражу?» Ему дали французский караул.

Французам плохо приходилось в разоренной Москве. Все съестные припасы, какие еще оставались в городе, они поели; продовольствия ниоткуда не привозили — пришлось им голодать. Вот и стали они рассылать партии солдат грабить подмосковные деревни. Крестьяне этих деревень, слыша французов, забирали все свое имущество и удалялись с ним в лес.

Случалось французам выходить из города для грабежа малыми партиями. Завидя их, крестьяне выходили против них с вилами и топорами — и не было тогда пощады врагам: многих из них убивали, а остальных преследовали до самых ворот Москвы. Раздраженные таким сопротивлением французы решились устрашить народ жестокостью. Посланный ими на добычу отряд из тысячи человек захватил в ближайших от города деревнях человек до двадцати крестьян и привел их в город. На другой день пленники были отданы под военный суд, который приговорил их к смерти. Приговор был переведен на русский язык и прочтен крестьянам. Офицеры, которым было поручено исполнение этого приговора, ожидали, что крестьяне для спасения своей жизни будут просить о помиловании, унижаться, плакать. Но вышло не так. Зная, что они невиновны в тех преступлениях, в которых их обвиняли, крестьяне со спокойной совестью простились друг с другом, отправились на место казни и там, поставленные рядом, были расстреляны поодиночке. Оставшиеся смотрели на умерщвление братьев своих без всякого ужаса. Каждый из них, видя, что дошла до него очередь, крестился и говорил: «Помилуй меня, Господи. Прощайте, люди» и падал к ногам своих палачей, не испустив ни жалобы, ни вздоха.

Время шло между тем, и с каждым днем французам становилось труднее и труднее. Одним грабежом долго жить нельзя, а других средств кормиться у них не было. Да и обносились они порядком; особенно поистаскались у них сапоги, в Москве же весь сапожный материал или сгорел, или был вывезен. Положение французской армии сделалось безнадежным еще и потому, что, удаленная за несколько тысяч верст от Отечества, она могла лишиться возможности сообщений с ним и не должна была рассчитывать ни на какие подкрепления.

Наполеон видел все это очень ясно, а потому уже с первых чисел октября начал делать приготовления к отступлению и вместе с тем послал одного из своих генералов сначала к Кутузову, а потом в Петербург к самому государю с предложением о мире. Он крепко надеялся, что государь примет предложение и рад будет окончить войну со своим непобедимым противником. В ожидании ответа из Петербурга он не мог решиться оставить Москву. Но ответ не приходил. Между тем пришло известие о сражении при Тарутине, в котором русские взяли верх, а французы отступили. Это убедило, наконец, Наполеона в том, что русские, несмотря на попытку его примириться, не думают о мире, а, напротив, усиливаются и хотят продолжать войну. Он почувствовал, что не должно было терять ни одной минуты, чтобы выйти из гибельного положения, в которое поставлена была его армия, и решился уйти из Москвы. Рано утром 7 октября Наполеон выехал из Москвы через Калужскую заставу, и за ним потянулось его войско. Силы его были тогда еще довольно велики. Всего неприятельского войска выступило из Москвы до 105 тыс. человек. На протяжении более 30 верст

Отступление французской армии. Выход французов из Москвы

шли неприятели и вместе с ними тянулись с лишком 10 тыс. разного рода повозок. Тут были больные и раненые, съестные припасы и всякое добро, награбленное в Москве. Несколько дней после отъезда Наполеона в Москве оставался еще один отряд его войска. Начальнику этого отряда приказано было, покидая город, зажечь Кремлевский дворец, взорвать Кремль и истребить все уцелевшие еще казенные строения, кроме Воспитательного дома, где оставалось много раненых французов. Этим Наполеон хотел отомстить императору Александру за свои неудачи, за то молчание, которым государь отвечал на предложение его помириться.

11 октября, после полудня, из Москвы двинулся последний французский отряд, а ночью над Кремлем показалось зарево и послышался страшный грохот. Это взорвался первый подкоп под Кремлем. Затем послышались еще четыре взрыва. К счастью, второпях французы успели взорвать только пять подкопов, а потому уцелели в Кремле храмы и только обрушилась пристройка к колокольне Ивана Великого.

На другой день отряд нашего войска вступил в опустевшую и погоревшую Москву. Вечером начальник Тверского ополчения занял Кремль. Там еще догорали и другие здания. Одной огромной грудой лежали: кирпичи, камни, балки, колокола и кресты. На

колокольне Ивана Великого не было креста: его приказал снять и увез с собой Наполеон. В соборах стекла и рамы были выбиты взрывом, а внутри была грязь, образа были ободраны и разбросаны на полу. Вокруг Успенского собора стояли горны, в которых неприятели плавили награбленное золото и серебро. На царском месте в соборе было записано мелом: 325 пудов серебра и 18 пудов золота. Некото-

рые кремлевские башни и часть стен лежали в развалинах.

В таком положении находилась Москва по выходе из нее неприятеля. Когда Кутузову донесли, что Наполеон оставил Москву, он заплакал и, обратясь к образу Спасителя, сказал: «Боже, Создатель мой! Наконец Ты внял молитве нашей; с этой минуты Россия спасена».

Партизаны в засаде

Часть V.

Партизаны. Народная война.

Наши победы. Что же делала в это время и где была русская армия?

Главкомандующий наш, отдавая Москву врагам, двинулся, как мы знаем, со своими войсками по Рязанской дороге лишь для того, чтобы показать Наполеону, будто они уходят на восток, но через два перехода отвел их на Калужскую дорогу, чтоб отрезать Наполеону пути на Тулу, где находился оружейный завод, и в хлеботородные южные губернии, которые могли доставить продовольствие для его армии.

Остановившись 20 сентября лагерем у села Тарутина, на реке Наре, в 80 верстах от Москвы, Кутузов сказал: «Теперь ни шагу назад». Но, желая как можно долее задержать Наполеона в Москве тщетным ожиданием мира, главнокомандующий распускал слухи, будто русское войско расстроено до край-

ности, чего на самом деле совсем не было; напротив того, к нему отовсюду подходили подкрепления: с Дона, ополчившегося поголовно, пришло 26 казачьих полков, прибывали отовсюду новобранцы, быстро обучавшиеся и комплектовавшие убыль в полках. С разных сторон подходили обозы с продовольствием, отчего войска наши не чувствовали ни в чем ни малейшей нужды. В это же время быстро развилась партизанская народная война. Летучие и неожиданные нападения храбрых отрядов много наносили неприятелям вреда, отбивая у них их провиантские обозы и истребляя неприятеля по частям. Предводители партизанских отрядов входили в сношения с Кутузовым и получали от него небольшие подкрепления из армии. Из них особенно выделялись: Фигнер, Давыдов, Сеславин, Кудашев и много крестьян, особенно крестьянин Курин.

Отважный молодой дворянин Фигнер, спрятав где-то в лесу своих удальцов, пере-

одетый во французский мундир, являлся то в Москве, то в других местах в самих стоянках неприятелей. В одном месте он делал на французском языке выговор неприятельским разъездам за оплошность, говоря, что поблизости показался отряд казаков; в другом месте говорил, что такую-то деревню занимают русские и что за провиантом нужно идти совсем в другую сторону; а, вызвав слабую сторону неприятелей, внезапно нападал на них и истреблял; отнимал у них оружие и даже пушки и уводил немало пленных. Французы назначили большую цену за его отважную голову. Подобным образом действовал и Денис Давыдов, храбрый гусарский офицер и даровитый поэт. Достопамятен и героизм Энгельгардта, смоленского помещика, полковника в отставке. Он со своими крестьянами немало истреблял неприятелей. Вести об этом дошли до французов, занимавших в то время Смоленск; они схватили его и осудили на расстрел, но перед исполнением приговора стали уговаривать его поступить на французскую службу. С негодованием отверг измену Отечеству доблестный

Энгельгардт и, сорвав с глаз своих повязку, закричал солдатам: «Стреляйте». Когда же они, думая поколебать его мужество, сперва ранили его в ногу и возобновили свои уговоры, он оставался непреклонным и смело отвечал новым отказом. Сделан был залп, но упавший мученик еще дышал, и один солдат, снова зарядив ружье, добил его выстрелом в голову. В честь этого героя поставлен памятник близ крепостных ворот Смоленска, где он лежал костьми своими. То же через некоторое время повторилось и с партизаном Шубиным. Не оставляли от помещиков и крестьяне. Те и другие не оправдали упомянутых выше надежд Наполеона на их измену. Во многих селах они восставали против врагов поголовно. Спрятав свои семейства и пожитки в лесах, они составляли дружины, выбирая для них предводителей из отставных солдат. В селениях у околиц ставили караулы, а на колокольнях — дозорных, которые при появлении неприятелей били в набат. Крестьяне сбегались из соседних деревень, вооруженные топорами и косами, и истребляли вражеский отряд, а если он был

Смерть партизана Энгельгардта

В Городне — пробиваться или отступать

очень силен, уходили от него. В делах партизан принимали участие крестьянские женщины и даже девушки.

Крестьянин Московской губернии, Вохнинской волости, Герасим Курин, предводительствовал партизанским отрядом своего округа в несколько тысяч крестьян, которые истребили много неприятелей, а порой давали им своего рода битвы. Нередко, впрочем, они устраивали им западни и засады. Так, однажды французы послали в село Павлово значительный отряд для сбора провианта. Часть его под начальством французского полковника вступила в село и потребовала съестных припасов. Курин заманил их в один двор, завалил ворота и, окружив со всех сторон, истребил всех до одного; а другой отряд, остановившийся недалеко от села, сделался жертвою других партизан Курина.

Столкновение же армии Наполеона с регулярными русскими войсками произошло ранее его отъезда из Москвы, а именно 6 октября. Прежде других выступили отсюда

отряды маршала Мюрата и расположились на юге от столицы на реке Чернишне, на севере от Тарутина. Наши войска под начальством Беннигсена атаковали здесь и разбили 20-тысячный корпус французов. Это было первое поражение французов; оно убедило окончательно Наполеона, что больше оставаться в Москве нельзя. Его план заключался в том, чтобы, двинувшись на юг, напасть на Кутузова, принудить его отойти подальше, а самому по Смоленской дороге спокойно отступить на запад. Но такого рода отступление уже было невозможным. Сам император Александр составил план окончательного уничтожения неприятельской армии. Он дал приказание Кутузову действовать на тыл ее, а адмиралу Чичагову, находившемуся на Волыни с воротившимися из турецкого похода войсками, двинуться через Минск на реку Березину и, помешав переправе через нее, преградить неприятелю дальнейшее отступление; с Чичаговым должен был соединиться Витгенштейн, действовавший про-

тив французов на среднем течении Западной Двины. К 11 октября передовые войска Наполеона по Калужской дороге дошли до Малоярославца и, заняв этот город, готовились к дальнейшему наступлению на юг. Но такое движение не могло уже осуществиться. На следующий день, рано утром, сюда подошли передовые колонны Кутузова под начальством Дохтурова, за которыми невдалеке следовал сам главнокомандующий с основными силами. Дохтуров немедленно атаковал город и выбил из него неприятеля. Получив подкрепления, французы снова заняли Малоярославец. Но тут завязался ожесточеннейший бой, продолжавшийся весь день. Русские и французы бились врукопашную в тесных улицах горевшего города, который восемь раз переходил из рук в руки. К вечеру город остался у неприятеля, но потери обеих сторон были одинаково весьма значительны.

Ужасный вид представлял Малоярославец. Пожар, начавшийся с полудня, оставил от себя одни следы домов; груды тел сделали улицы непроходимыми.

По мнению многих, битва при Малоярославце была важнее Бородинской, потому что теперь Наполеону был отрезан путь на богатейшие наши губернии; а русские сохранили свои позиции и обладание Калужской дорогой. Наполеон представлял себе, что ему удастся взять Малоярославец без боя, и только после неудачи понял он всю беду, которой подвергалась его армия. С этого времени он думал только о Париже, точно так же, как, выезжая из Парижа, думал только о Москве.

Дело выяснилось: путь к Калуге был загорожен французами, но так как обе стороны после сражения остались ночевать на прежних своих местах, то ожидалась новая, ожесточенная битва. Кутузов писал государю:

«Я полагаю, должно быть генеральному сражению, без коего ни под каким видом неприятеля на Калугу не пущу». Но в этом он ошибся: генерального сражения не произошло, да его и не нужно было для успеха нашего оружия. Наполеон, как рассказывают, возвратившись в свою Главную квартиру после битвы, велел позвать своих генералов в избу, которую ему отвели; он хотел с ними посоветоваться о том, что делать. Пришли они и видят: сидит он у стола, голову опустил на руки и молчит. Они стоят около него и все ждут, что же он придумает. Постояли, постояли, да так и ушли — слова от него не добились. Оставался он с армией целые сутки на одном месте, потом выехал в поле, велел огонь разложить, сел у костра и опять задумался. Вдруг, неожиданно для всех, он отдал по армии приказ: переходить на Смоленскую дорогу. Другого исхода не было. Дрогнули сердца его солдат, когда они услышали этот приказ: они знали, что ожидает их на Смоленской дороге. Сам Наполеон ехал посреди своих унылых воинов, задумчивый, рассчитывая, как бы поскорее добраться по разоренному пути до Смоленска. Лишь только перешел Наполеон на Смоленскую дорогу, князь Кутузов поделил свою армию на три части: одна гнала неприятеля с тыла, другая справа, третья слева, так что некуда было податься несчастным, негде было отдохнуть или добыть себе провианта. В эту пору дороги уже испортились от дождей, а французские лошади совсем изнурились без корма: ни пушек, ни обоза невмочь им стало вывозить, а как только они увязнут в грязи, тотчас наши партизаны все захватят. Пленных тоже не сотнями, а тысячами мы забирали. И сам Кутузов, и другие начальники уговаривали солдат, чтобы они по-христиански обращались с пленными. В особенности был к ним милосерд генерал Милорадович: день-

гами, запасами всех их оделял. Они, бедняки, его знали, и как пройдет он, бывало, мимо них, так и прокричат ему по-своему: «Ура». Французское войско еще в Москве отвыкло от повиновения, но пока оно думало, что идет вперед, пролагая себе путь с награбленной добычей, через богатые, неопустошенные местности, — порядок в нем еще кое-как соблюдался. После же поворота на опустошенную Смоленскую дорогу солдаты окончательно упали духом и походили более на бегущую толпу хищников, чем на воинство. Мелкий и холодный дождь, начавшийся с 14 октября, так испортил дороги, что лошади падали от изнеможения. Солдаты шли с опущенными глазами, словно бы от стыда и унижения. Холода еще не начинались; 15 октября был только легкий морозец. У города Вязьмы русские нагнали французов и произошло сражение, в котором мы взяли 4000 пленных, 11 пушек и обоз. После того вдруг сильно заморозило и поднялась снежная выюга.

Вот что рассказывает один из наших офицеров о своем ночлеге у Вязьмы после сражения: «Огонек и наша палатка в отдалении от прочих стали привлекать к себе внимание изнуренных, шатавшихся везде неприятелей.

Бегство французов

Сперва пришел к нам длинный, тощий немец. Лицо его было так же черно, как и одежда, голова окутана лохмотьями, а ноги обернуты мешком. Первыми его словами были: «Сжальтесь, дайте хлеба!» Он сел подле огня, и тут изнуренное лицо его выразило необыкновенное удовольствие, особенно когда дали обмоченный в горячую воду сухарь. Он проклинал Наполеона. Пришел затем такой же оборванный и изнуренный француз и тоже просил есть. Мы сами нуждались в пище, однако над ним сжалились и накормили его, чем Бог послал».

До Вязьмы Наполеон ехал постоянно верхом, но тут он не выдержал: в первый раз после Москвы сел в карету и оделся в польское платье — соболью шубу, покрытую зеленым бархатом и украшенную золотыми шнурами, меховую шапку и сапоги. Оборванные и мерзлые солдаты глядели на него со злобой. Уж не слышно было восторженных криков при его появлении, как бывало прежде.

При переходе через речку Колочу достаточно было бы двух бревен, стольких же козел и нескольких досок, чтобы устроить переправу; но беспорядок и беспечность были таковы, что Наполеон должен был остановиться. Потопили несколько пушек, которые хотели перевезти вброд. Проходили мимо Бородинского поля, покрытого трупами, обглоданными собаками. Вид его произвел на французов ужасное впечатление.

На пути от Вязьмы до Смоленска войско Наполеона быстро уменьшалось. Хотя морозы были не больше 10°, но этот холод был невыносим для плохо одетых французов. Конница гибла. Под пушки стали брать лошадей из обозов, а сами обозы — бросать на дороге, вместе с награбленной в Москве добычей. Проведя день без пищи, прозябшие и усталые неприятели располагались на

ночлег вокруг огня, на мерзлой земле, в снегу. Наутро многие из них умирали, и товарищи спешили снять с них обувь и одежду.

До какой степени изнеможения дошло в это время неприятельское войско, можно видеть из следующего, рассказанного одним из современников, случая, который может показаться неправдоподобным. Староста одной деревни Сычевского уезда повел партию пленных французов в город. Во время его отсутствия крестьяне привели еще несколько пленных, которых они захватили, и отдали их в ведение жены старосты — Василисы. Старостиha собрала крестьян, села верхом на лошадь, взяла в руки косу и повела пленных, куда было приказано. Все пленные шли, таким образом, под командой Василисы до самого города в совершенном повиновении и страхе, чтобы не лишиться жизни.

При переходе французов через Днепр у Соловьевой переправы была ужасная давка на мосту; дорога к нему на несколько верст была покрыта брошенными экипажами и зарядными ящиками. При переходе был полный беспорядок. Тут французы потеряли 20 пушек и 1000 человек одними пленными. Дальнейшее отступление было самое бедственное. Едва кто из солдат падал от из-

неможения, другие бросались раздевать его, чтобы прикрыть самих себя его одеждой, и отнимали у него провиант, ускоряя этим его смерть. Обирали и живых — не только мертвых.

Наши войска глазам своим не верили, видя те бедствия, которые испытывали неприятели. «От Вязьмы к Дорогобужу, — говорит один из очевидцев, — мы шли большой Смоленской дорогой и с ужасом видели на ней непрерывное кладбище, или как бы действие опустошительной чумы: на каждой версте лежало по несколько десятков лошадей и трупов погибших французов».

Итак, вся главная армия Наполеона, уменьшенная после многих бед более чем наполовину, голодная и в лохмотьях, дотащилась, наконец, до Смоленска, где надеялась найти отдых и продовольствие, а Наполеон писал во Францию и объявлял по всей Европе, что, идя на Смоленск, он приближается к Петербургу, что армия его расположится на зимних квартирах за Днепром и Двиной и с началом весны пойдет на Петербург.

Беспорядок при вступлении в Смоленск был таков, что французы вместо изобилия нашли в нем только голод. Одной только гвардии был роздан провиант; солдаты и офицеры прочих частей бросились грабить магазины и погреба. Толпы пьяных буйствовали по улицам, и сильный отнимал у слабого. Та часть армии, которая вступила в Смоленск последней, не нашла более ни одного сухаря: все уже было расхищено!

Между генералами произошла ссора по этому случаю, а сам Наполеон ничего не хотел знать: ему было не до того! Он в Смоленске получил известие о том, что разбита та часть его армии, которая оставалась на реке Двине, и что один из его лучших генералов взят в плен. Затем со всех сторон стали

Крестьяне сопровождают пленных французов

Д. В. Давыдов

*Генерал-лейтенант А. Н. Сеславин
(партизан)*

приходить страшные вести: Кутузов подходит к Смоленску, впереди грозило появиться войско под начальством Чичагова, которое возвратилось из Турции, а справа от Витебска под начальством Витгенштейна также двигались наши полки, которые с самого начала войны защищали дорогу на Петербург, а теперь теснили отступавшие перед ними неприятельские отряды.

Наполеону оставалось одно: уходить как можно скорее восвояси, чтоб не быть окруженным и не попасть в плен.

Так он и решил. Через три дня, когда все его войско собралось в Смоленске, он выступил оттуда со своей гвардией, приказав идти за собой и остальным отрядам.

Через несколько часов пришел на развалины города князь Кутузов со своей армией. Как ни настрадались наши воины, как ни горько было им видеть на родной земле смерть и опустошение, а смотрели они бодро, потому что Господь благословил

наше правое дело. В Смоленске был отслужен благодарственный молебен и поставлена икона Смоленской Божией Матери, которую вывезли из несчастного города еще 6 августа.

В то время, как последние полки Наполеона выступали из Смоленска, сам он находился в 47 верстах оттуда, в городе Красном. Сюда же подошел Кутузов с левой стороны и стал в 5 верстах от города. Таким образом, неприятельским полкам, которые были на пути от Смоленска к Красному, грозила опасность быть отрезанными нашим войском от своих главных сил. Утром 5 ноября сам Наполеон вывел свои войска навстречу Кутузову. Бились три дня. Кончилось тем, что только часть французов успела пробраться к Красному, а остальные принуждены были сдаться в плен.

Сражение под Красным окончательно расстроило войска Наполеона. Одних пленных наши взяли здесь более

6000 человек и 112 пушек, обозы, множество знамен и даже часть канцелярии самого Наполеона. Отсюда Бонапарт направился к городу Орше, а потом к реке Березине.

Получив донесение о решительной победе над неприятелем, Кутузов, окруженный своей свитой, подъехал на коне к лагерю гвардейского Семеновского полка, который особенно отличился. За ними семь конногвардейских солдат везли отбитые французские знамена, на верху которых красовались одноглавые орлы. «Здравствуйте, молодцы-семеновцы! — громко сказал Кутузов. — Поздравляю вас с новой победой, вот и гостинцы вам

везу! — и указал на французские знамена. — Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже, пусть кланяются молодцам! Матвей Иванович Платов доносит мне, что взято сто двенадцать пушек и... сколько, бишь, генералов?» — обратился он к стоявшему близко генералу. «Пятнадцать», — поспешил ответить генерал. «Слышите, друзья, пятнадцать! — продолжал светлейший. — Ну, если бы у нас взяли столько же, сколько бы осталось? Пушки можно сосчитать на месте, да и то не верится, а в Питере и подавно не поверят». Очевидцы свидетельствуют, какой восторг произвела в войсках эта речь престарелого фельдмаршала.

*Наполеон и маршал Лористон
«Мир во что бы то ни стало!» (с картины В. В. Верещагина)*

Часть VI

Последний марш.
Переправа через Березину.
Гибель Наполеоновских войск

Безостановочно и быстро шел Наполеон из Орши к берегам Березины, все свои надежды возлагая на то, что ему удастся у Борисова переправиться через реку и там вступить в связь с корпусами — австрийским (Шварценберга) и саксонским (Ренье), которые до этого времени стояли там в виду движения нашей Дунайской армии. По плану же наших военных действий Наполеон у Березины должен был быть окружен со всех сторон нашими войсками: с юга Дунайской армией адмирала Чичагова, с севера — корпусами Витгенштейна, защищавшего дорогу на Петербург и в октябре одержавшего славную победу над неприятелем у Полоцка, с тыла и с левого фланга — главными силами фельд-маршала Кутузова. Казалось, что при таком

положении дел Наполеон должен был неминуемо погибнуть со всем своим войском или, положив оружие, сдаться в плен... Вышло, однако, иначе.

У Бобра навстречу Великой армии стали подходить войска маршалов Виктора и Удино, действовавшие против Витгенштейна и теперь спешившие к главной армии Наполеона, чтобы обезопасить ее отступление через Березину. Войска эти, находившиеся в сравнительно хорошем еще состоянии, обутые, одетые и сытые, с горестным изумлением смотрели на «увенчанных славой», как они ожидали, героев Москвы. Толпой привидений, покрытых рубищем, женскими салопами, церковными ризами, полузамерзшие, закоптелые и обросшие бородами, шли они им навстречу вместо стройных рядов победоносных полков — шли без всякого порядка, без оружия, без стыда, думая каждый только о себе и заботясь только о своем личном спасении. Глазам своим не верили

Переправа французской армии через Березину, 1812 год

войска Виктора и Удино; до сих пор они еще ничего не знали или, по крайней мере, знали очень мало о несчастьях, постигших Великую армию, и теперь со слезами на глазах всматривались в эту беспорядочно бредущую толпу, отыскивая в ней хоть какие-нибудь следы недавно еще такого блестящего, победоносного войска.

Не прошло, однако, и нескольких дней, как начали также таять корпуса Виктора и Удино: язва, до мозга костей проевшая Великую армию, сообщилась и им, ряды их начали быстро редеть, появилась масса отстающих и мародеров, а чувство самосохранения вытеснило всякое понятие о долге и воинской чести.

На пути к Борису, 10 ноября, Наполеон получил страшное для него известие о том, что Борисов занят адмиралом Чичаговым. Пораженному этим сообщением императору пришлось употребить всю свою хитрость и энергию, чтобы спасти от гибели себя и остатки своих войск. Узнав о занятии Борисова, — кстати сказать, предпринятом адмиралом Чичаговым, вопреки отданному ему приказанию только лишь задерживать неприятеля у реки и мешать его переправе, пока не подойдут корпуса Витгенштейна, Ермолова, Милорадовича и казаки Платова, — Наполеон тотчас же отдал приказ Удино во что бы то ни стало атаковать русских в Борисове, овладеть городом снова и подготовить переправу там, где окажется удобным. Удино блестяще исполнил возложенное на него поручение, овладел вследствие оплошности Чичагова (Чичагов в течение двух дней не принимал мер для получения сведений о дви-

жении неприятеля и даже непростительно разрознил свои силы) Борисовом и отбросил русских, едва успевших сжечь за собой мост, на правую сторону Березины. Затем, найдя удобный брод для переправы через глубокую, труднопроходимую реку Березину, он уведомил о том Наполеона, который тотчас же по получении этого, наконец, радостного известия направился к Борису.

Чтоб обмануть Чичагова, Удино велел, однако, делать все приготовления к постройке мостов в совершенно другом месте, отправил к мнимому пункту переправы целый батальон пехоты, за которым бросились и все безоружные, и, кроме того, через евреев распространил ложные слухи о намерениях французской армии отступать южнее, на Минск. Чичагов поддался на эту военную хитрость и отвел свои главные силы верст на 20 к югу от Борисова. Это дало возможность неприятелю беспрепятственно наводить мосты на избранном им месте, у деревни Студянка. Ободренные присутствием самого императора — Наполеон прибыл к месту, назначенному для переправы, 14 ноября утром — саперы и понтоны¹ французской армии работали с неописуемым самоотвержением, стоя по грудь в ледяной воде, среди несущихся на них, напивавших со всех сторон льдин, работали и днем и ночью в холодном, непроницаемом тумане, окутавшем прибрежные леса и болота.

Не мог, конечно, помешать этим работам маленький отряд Корнилова, стоявший на правом берегу Березины и осужденный на бездействие вследствие ухода на юг Чичагова. 14 и 15 ноября совершилась переправа

¹ Понтоны — наводчики плавучих мостов.

*Отступление французской армии через
Вильно в 1812 году*

французских войск; первыми переправились все еще свежий и сравнительно блестящий корпус Удино, артиллерия и Молодая гвардия. Наполеон со Старой гвардией переехал мост в полдень 15 ноября. Затем, оставив для прикрытия на левом берегу войска Виктора, он распорядился пустить к мостам толпы безоружных, женщин и детей. Началась невообразимая свалка, каждый хотел поспеть первым к переправе, и потому и люди, и лошади, и повозки — все смешалось в диком, хаотическом беспорядке, и только одиночные люди могли пробраться к мостам, да и то с огромной опасностью для жизни. Только ночь прекратила эту ужасную сумятицу. Утром же 16-го к месту переправы уже спешили с разных сторон войска Чичагова и Витгенштейна, и начались два сражения по ту и другую сторону мостов. Победы в этих боях не было ни для кого из противников, но цели, которые они преследовали, были достигнуты обоими: русские на берегах Березины довершили намеченное ими разгром-

ление Великой армии; Наполеону же удалось выполнить, хотя и с огромными потерями, задуманную им переправу и двинуться затем по дороге в Вильно.

Таким образом, благодаря гению императора и мужеству его верных воинов — остатков грозной когда-то армии, а также благодаря оплошности адмирала Чичагова, неопытного в военно-сухопутном деле и пропустившего неприятеля, избежал плена величайший полководец своего времени, и окончательное завершение войны было отодвинуто еще на несколько недель.

Из 30 тыс. сражавшихся у Студянки французских войск осталось только около 9 тыс. Перейдя Березину, неприятель, преследуемый по пятам нашими подошедшими тем временем войсками, побегал через Молодечно к Вильно. Положение бегущих день ото дня становилось невыносимее. Преследование их казаками производилось безостановочно, неотступно и доводило их до полного отчаяния. К тому же делали свое

дело и морозы, доходившие уже теперь нередко до 30°. Стиснув зубы, в безнадежном молчании, французы шли и бежали по снежным опустошенным дорогам. Окутав головы, лица и плечи мешками, рогожами, они обвертывали себя сеном, соломой, всем, что попадалось под руку, ноги обвязывали попонами, старыми шляпами, ранцами; того, кому удавалось добыть себе лошадиную шкуру, почитали счастливец. Многие лишились слуха, языка, ума.

В таком ужасном состоянии достигла армия местечка Молодечно. Отсюда Наполеон впервые оповестил Францию о постигших его неудачах, объясняя их морозами и падежом лошадей. Этот, так сказать, первый удар похоронного колокола должен был приготовить Европу к известию о несметных потерях Наполеона и об отъезде его из России, к которому он начал тайно готовиться в Молодечно. Потерпев еще одно поражение при местечке Сморгонь, император, поручив жалкие остатки своей армии неаполитанскому королю Мюрату, сел вместе с бывшим посланником в Петербурге Коленкур в крытый возок и, проехав под чужим именем предместьями Вильно, помчался в Париж набирать новое войско. На заре 26 ноября, в день праздника святого Георгия Победоносца, победитель Европы беглецом вырвался из наших границ.

Бегство Наполеона из России было последним ударом для его армии. Тысячи проклятий понесли вслед вероломному предводителю, на произвол судьбы бросившему погубленные им же войска.

«Он бежит, как бежал из Египта!¹ — кричали солдаты. — Он оставляет нас на

жертву». И, следуя его примеру, они все, от старшего до младшего, стали еще больше думать только о своем личном спасении, бросая оружие и обозы, стараясь даже по возможности сдаваться в плен русским.

28 ноября русские вошли в занятый французами Вильно. Неприятель попробовал оказать сопротивление, но, узнав о движении казаков графа Платова на Ковенскую дорогу, т. е. туда, куда лежал их путь отступления, поспешил оставить город.

Быстрое занятие Вильно русскими сохранило его от разорения и пожаров. В городе, единственно уцелевшем на всем протяжении от Москвы, оказались большие склады провианта и обмундирования, что было очень кстати для наших войск, тоже изнуренных тяжелым походом и в последнее время немало страдавших от голода и от холода.

Между тем Мюрат, которому Наполеон поручил свою Великую армию, вместе с вице-королем Евгением, герцогом Даву и другими маршалами спешил в Ковно и к Неману. За ним следовала гвардия и остатки безоружных, но еще не сдавшихся в плен отрядов. Наша кавалерия и казаки скоро, однако, настигли их недалеко от Ковно, у Панарской горы, отбили последний неприятельский обоз, в котором находилась казна неприятеля, частью тут же разграбленная самими французами. Между прочим, в наши руки попала карета Наполеона, где были найдены многие важные бумаги и доска для изготовления фальшивых русских ассигнаций 100-рублевого достоинства, которыми Наполеон в 1812 году положительно наводнил Россию.

¹ В Египте Наполеон также бросил свою армию на произвол судьбы, поспешил во Францию, куда его манили происшедшие там важные перемены.

30 ноября, в день, когда Кутузов въезжал в свою «добрую Вильну»¹, Мюрат прибыл в Ковно. Оставалась последняя надежда, собрав под защитой ковенских укреплений хоть какие-либо части расстроенных войск, вывезти из города часть запасов. Но едва достигли Ковно бежавшие от Платова гвардия и безоружные толпы, как все они тотчас же бросились грабить магазины, выкатывать бочки с водкой и, напиваясь до бесчувствия, буйствовать и бесчинствовать. От бивачных огней начались пожары, и Мюрату ничего более не оставалось делать, как поскорее вывести войска из пылавшего города. «Нельзя удержаться в Ковно, — доносил Наполеону один из его генералов, Бертье, — потому что армия более не существует».

В Ковно для вывоза и сожжения казенных запасов остался только Ней со своим арьергардом, т. е. с горстью людей, наполовину замерзших, но все еще державшихся и сохранявших оружие. Через день, однако, у Ковно уже показались казаки. Еще одна последняя слабая попытка к сопротивлению, — и неприятель побежал через Неман к Тильзиту и Вильковишкам. Раненый Ней, оставшийся без войска, спасся бегством, и лесом добрался до Вильковишек.

Граф Платов вступил в Ковно 3 декабря и тотчас же, собрав войско на площади, велел отслужить благодарственный молебен с коленопреклонением и пушечной пальбой. По окончании молебна могучее «ура» государю и князю Смоленскому огласило воздух.

Преследование врага от Малоярославца до Ковно с небывалым мужеством блистательно проведено донским войском с его знаменитым «вихрем-атаманом» Платовым

во главе. Не один тяжелый подчас даже смертельный удар был нанесен им врагу, и одно уже имя «гетмана», как называли Платова французы, было для них настоящей грозой. Но, кроме боевых дел и заслуг графа Платова, замечателен еще один его подвиг. Приказом своим казакам Платов предписал, чтобы все отбитое от неприятеля церковное имущество, утварь, сосуды, оклады с икон и прочее были доставлены ему. Донцы добросовестно исполнили волю своего любимого атамана и доставили ему около 40 пудов чистого серебра, не считая попадавшегося в нем золота. Серебро это в слитках Платов отправил к князю Кутузову для Казанского собора в Санкт-Петербурге с надписью: «От усердного приношения Войска Донского».

Серебро долго хранилось в ризнице Александро-Невской лавры, и, наконец, в 1834 году высочайше повелено было сделать из него иконостас, поныне существующий в Казанском соборе; под местными иконами начертана надпись, предложенная Платовым.

По переходе через русскую границу Мюрат, маршалы и все жалкие остатки наполеоновской Великой армии рассеялись по Восточной Пруссии.

«Исполнились слова Вашего Императорского Величества, — доносил государю Кутузов из Вильно, — усеяна дорога костями неприятельскими. Да вознесет всякий россиянин благодарственные молитвы к Всевышнему, а я почитаю себя счастливейшим из подданных, быв избран благодетельной судьбой исполнителем воли Вашего Императорского Величества».

Получив донесение Кутузова о занятии Вильно, государь лично отправился в ар-

¹ Кутузов 2 раза был губернатором в Вильно и очень любил его.

А. И. Чернышев

Генерал-лейтенант Н. А. Тучков 1-й

мию. 11 декабря князь Кутузов в полной генеральской форме, которой не видели на нем во все время похода, стоял, окруженный толпой генералов, на пороге своего замка и с рапортом в руках ждал прибытия государя. В исходе пятого часа улицы города огласились восторженными кликами: показалась тройка запыхавшихся лошадей, запряженных в открытые дорожные сани. Занесенный снегом и инеем государь вышел из саней. При звуках торжественного марша Кутузов преклонился перед ним и подал ему строевой рапорт. Государь обнял престарелого фельдмаршала и рука об руку прошел с ним во внутренние покои замка. Около часа длилась беседа наедине монарха с вождем-победителем. Но государь пожелал и публично выразить свою благодарность фельдмаршалу: лишь только Кутузов вышел из кабинета, гофмаршал граф Толстой поднес ему на серебряном блюде высшую воинскую награду — знаки ордена святого Георгия 1-й степени.

На следующее утро, в день рождения императора, в замке после обедни собрались

все генералы и в их лице государь благодарил всю армию. «Господа, — сказал он между прочим, — вы спасли не одну Россию, — вы спасли Европу!»

В тот же день был подписан манифест, возвещавший о даровании полного прощения полякам и литовцам, которые, будучи подданными русской империи, поддались на лживые обещания Наполеона и запятнали себя нарушением присяги.

После торжественного обеда у фельдмаршала — обеда, во время которого палили из наполеоновских пушек французским порохом, государь, чтоб доставить удовольствие старому вождю, принял приглашение на устроенный им бал, отличавшийся неслыханной пышностью и торжественностью. При входе императора в бальную залу к ногам его, по знаку Кутузова, были повергнуты знамена, отнятые у неприятеля.

Не один Вильно торжествовал победу: во всех пограничных городах и местечках, куда по пятам французов вступали русские, шло непрерывное веселье и ликование.

Въезд Александра I в Париж

Из 600 тыс. неприятелей, введенных Наполеоном в Россию, только десятая часть вернулась на Родину. Остальные погибли в сражениях, умерли от ран, болезней, голода, стужи; множество взяты в плен с боя или сдались добровольно, измученные бескормицей и морозами. Пленных в России осталось до 200 тыс. человек; кроме того, у неприятеля отбито до 100 знамен и штандартов, более 1000 пушек, захвачено громадное количество денег, артиллерийских снарядов, обозов и прочее.

Таковы были несметные трофеи Отечественной войны, часть которых, например, орудия, была отвезена в Москву, в Кремль, знамена же и штандарты поставлены в Петербурге в Казанском соборе.

К концу 1812 года в России не оставалось ни одного вооруженного неприятеля.

25 декабря император Александр издал два манифеста, одним извещая Россию о благополучном окончании Отечественной войны, другим выражая намерение соорудить в Москве храм во имя Христа Спасителя, «в ознаменование благодарности к Промыс-

лу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели», а также в напоминание потомству о великом народном самоотвержении и героизме русского воинства, не щадившего жизни для спасения Родины. Таким образом, не умаляя заслуг и славы своего храброго войска и мужественных, искусных вождей его, император в то же время в дарованных ему победах видел прежде всего руку Божественного Провидения, и не себе, а Господу Богу приписывал счастливое завершение данного им обета: не опускать меча в ножны, доколе хоть один вооруженный неприятель будет находиться на Русской земле.

Начиная с 25 декабря 1812 года православная церковь ежегодно в день Рождества Христова празднует избавление России «от нашествия галлов и с ними двадцати язык». А 100 лет назад торжество России вместе с ней славил в эти дни и вся вооруженная против нее же Европа, благословляя победы великодушного императора Александра и видя в них как бы зарю общей свободы, мира и благоденствия. Действительно, Отечественная война, из которой Россия вы-

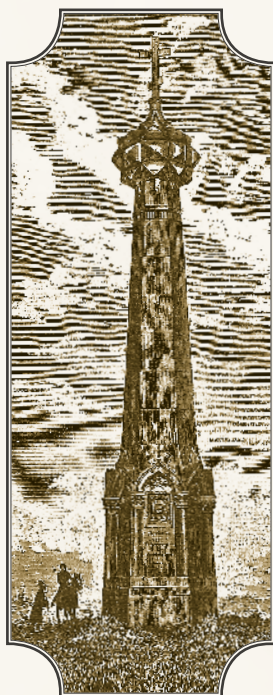
шла с окрепшими, обновленными, ей самой дотоле неведомыми силами, имела еще и то огромное значение, что, начав собой истинный период величия нашего Отечества, она облегчила и подготовила спасение всей Европы, уверовавшей, наконец, в возможность победить дотоле несокрушимого, «стопобедного», как его называли, Наполеона.

И воодушевленный прекрасной мечтой оградить несчастное человечество и низвергнуть ненавистное всем народам Европы иго Наполеона, видя, что для всеобщего прочного мира ему самому вместе с его доблестной армией необходимо предстать перед этой Европой, император Александр 1 января 1813 года перешел с нашими главными силами границу и направился в Германию. Начиналась война

за освобождение Европы, закончившаяся в 1814 года. вступлением наших войск в Париж и свержением Наполеона.

Не довелось дожить до этого полного торжества императора Александра его первому и главнейшему сподвижнику в Отечественной войне — фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому. Перейдя с русскими войсками границу, он умер 16 апреля 1813 года. в немецком городке Бунцлау. На месте его кончины прусский король поставил памятник и начертал на нем: «До сих пор князь Кутузов-Смоленский довел победоносные войска, и здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя!»

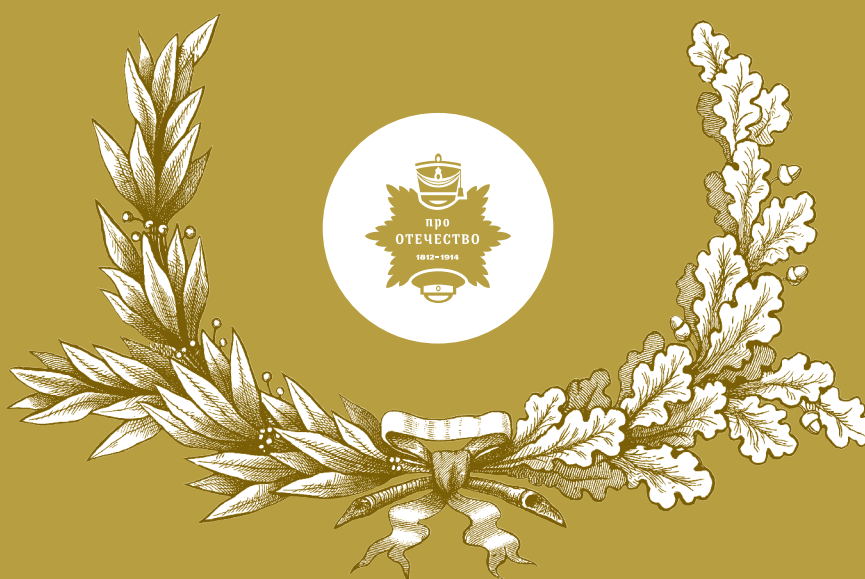

*Монумент — памятник
Бородинской битвы*

В памятный день столетнего юбилея войны 1812 года мы должны с благодарностью вспомнить славные подвиги родных героев. Их светлые, благородные образы встают перед нами во всей красе своего величия. В тяжелую годину страшного бедствия все: от царя до последнего солдата, до скромного ополченца — все поднялись на защиту Родины от грозного завоевателя. Они отдавали свое имущество и жизнь.

Да будет память их благословенна вовеки! Пусть эти великие подвиги любви к престолу, Родине и святой вере отцов послужат и нам, потомкам, примером для подражания и народной гордости своим прошлым.

Москва
2015